

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

№ 1.

СОДЕРЖАНИЕ. *Проза*: Письма о Петербургъ. 1-е письмо, Прогулка за городъ — Дай Богъ шагобъ Министра! Восточный анекдотъ. — Восточныя поговорки — Антикритика Отвѣтъ Князю П. А. Вяземскому на его замѣчания на статью: Краткое обозрѣние Русской Литтературы. — *Стихотворенія* Черная рѣчка, соч. В. Туманскаго. *Смѣсь*: Художественныя извѣстия.

ПРОЗА.

I.

ПИСЬМА О ПЕТЕРБУРГѢ.

Прогулка за городъ.

Жизель благословеннаго Юга, пресыщенный дарами щедрой природы, не чувствуетъ вполнѣ всѣхъ ея благодѣяній. Лавровыя и лимонныя рощи, ароматическіе луга и холмы, усыянные виноградниками и плодоносными деревьями, не привлекаютъ его любопытства и почищаются обыкновенными вещами. Таковы люди! Продолжительное и испѣченное удовольствіе перестъ у нихъ свое достоинство. Желанія, пошери и ошущившіе предметовъ назначаютъ имъ цѣну: имѣть все — не есть счастье; имѣть желаемое, и то на короткое время — вошть верхъ счастья! Справьтсь съ сердцемъ, и вы увидите, что я говорю правду.

У насъ на Сѣверѣ, даже наслажденіе пріятнымъ лѣтнимъ днемъ считается мигушамы. Къ намъ солнце благосклонно только въ продолженіе шрехъ съ половиною мѣсяцевъ: — за то мы пользуемся каждымъ его лучемъ. Мы прельцаемся зеленью липы и березы, восхищаемся прелестною муравою, и произрасшѣнія опдаленныхъ климатовъ сохраняемъ какъ сладостныя воспоминанія, бережемъ какъ драгоценности. Петербургскіе жители спраспно любятъ проводить лѣтнее время за городомъ: одни выѣзжаютъ въ великолѣпные загородные дома, собственные или наемные; другіе поселяются въ малыхъ домикахъ, лежащихъ въ окрестностяхъ публичныхъ гульбищъ. Всякій избираетъ себѣ жилищество по своему состоянію; — но главное дѣло въ томъ, чтобы насладиться зеленью и благорасшвореннымъ теплымъ воздухомъ, съ которыми должно быть въ разлукѣ около восьми мѣсяцевъ въ году. Это называется выѣздомъ

на дачи, и съ конца Маія до Сентября, многояудство примѣтно исчезаетъ въ сподлицѣ. Оспающіеся въ городѣ жителя, по крайней мѣрѣ въ праздничные дни выѣзжаютъ подышать чистымъ воздухомъ. Множество лодокъ и экипажей находится въ безпрестанномъ движеніи. По всемъ островамъ, въ рощахъ и садахъ, встрѣчаются толпы гуляющихъ. Музыка и веселыя пѣсни гребцовъ раздаются въ разныхъ мѣстахъ; иногда пошѣпные огни отражаются въ чистыхъ струяхъ величественной рѣки, и оживляютъ прелестные ландшафты. Все радуется, наслаждается; однимъ словомъ, льшо есть прехъ-мѣсячный праздникъ въ Петербургѣ.

Я вознамѣрился прогуляться водою, и сѣлъ на лодку близъ Горнаго Кадетскаго Корпуса, чшобы плавать къ Каменному острову. Какое величественное зрѣлище представляетъ Петербургъ со средины рѣки! Я невольно перенесся мыслію въ прошедшее. Кто бы подумалъ, видя нынѣшнее состояніе Сѣверной Пальмиры, что ровно за сто двадцать лѣтъ, только мале укрѣпленіе Нейшанца, лежавшее при устьѣ Охты въ Неву, и нѣсколько Финскихъ деревушекъ находились въ семь мѣстѣ? Западная часть пространства, занимаемаго нынѣ городомъ, и всѣ острова, служащіе теперь лучшимъ украшеніемъ столицы, въ то время были почти залиты водою и покрыты болотнымъ лѣсомъ. Восточный берегъ Невы былъ суше прочихъ, и здѣсь - по весною 1703 года, Россійская армія спояла лагерь послѣ взятія Нейшанца. Изъ прежнихъ названій деревень и урочищъ, одно только знаменито въ Исторіи. Противу деревни Калинкиной, Императоръ Пётръ Великій, въ званіи ~~Капитана~~ Бомбардирской роты, взялъ два Шведскія судна, и вмѣстѣ съ любимцемъ своимъ Меншиковымъ, (который тогда былъ Поручикомъ) награжденъ орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Адмиралъ Головинъ, первый Кавалеръ сего ордена, самъ украсилъ Императора знаками онаго. Овладевъ мѣстоположеніемъ устья Невы, Государь собралъ военный Совѣтъ, для разсужденія, должно ли укрѣпиться въ семь мѣстѣ. Исчисливъ всѣ выгоды насоящаго, геній Петра прозрѣлъ въ будущее: Великій Монархъ вознамѣрился основать здѣсь столицу новоустроенной Имперіи. Тѣ ошибаются, которые полагаютъ, что Пётръ рѣшился на это единственно изъ торговыхъ видовъ, или для того, чшобъ имѣть портъ въ Балтійскомъ морѣ. Съ сего цѣлю онъ могъ бы основать городъ, а не столицу, ибо Петербургъ въ то время представлялъ весьма много неудобствъ для столь важнаго назначенія. Ладожскій каналъ тогда не соединялъ его съ хлѣбородными Россійскими областями; неплодная и малонаселенная страна по берегу Финскаго залива не могла удовлетворить потребностямъ столицы, и сверхъ того отдаленіе отъ центра Россіи препятствовало сообщенію власни съ гражданами разныхъ сословій. Но Пётръ имѣлъ другіе, гораздо обширѣйшіе виды: онъ не могъ испребишь вдругъ всѣ старинные предразсудки, и отдалить отъ прона всѣхъ противниковъ Его предначертаній, и потому рѣшился перенести пронъ свой на край Россіи, въ страну покоренную,

окружишь оный людьми надежными, приверженными къ Монарху, и охотно исполнявшими его намеренія. Петръ хотѣлъ воспитать на своихъ глазахъ новое Руское поколѣніе, кошорое долженствовало сообщать своимъ единосемцамъ плоды Европейской образованности. Въ новой столицѣ оный сосредоточилъ все власти новой Имперіи, и возжегъ свѣщильникъ просвѣщенія, озарившій Россію. Здѣсь истребилась память о мнѣжныхъ Спрѣльцахъ; здѣсь не слышенъ былъ ропотъ Бояръ, закоснѣлыхъ въ предрасудкахъ. Однимъ словомъ, основаніе Пепербурга должно почтять эпохою основанія новой власти въ Россіи; сей власти надлежало воспріять новую силу, чшобы самыми дѣйствительными средствами излѣчить Россію отъ прежнихъ недуговъ, и возвестъ оную на высокую степень могущества и просвѣщенія. (*)

Съ неязыненнымъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на рядъ величественныхъ зданій по обѣимъ сторонамъ рѣки, изъ коихъ многія пробуждали въ душѣ моей воспоминанія, занимательныя для любителя Исторіи и Философа. Все иностранцы удивляются великолѣпной гранишной набережной, кошорую Императрица Екатерина II. воздвигнула вмѣсто деревянной, на лѣвомъ берегу Невы. Она начата въ 1764 году и спросталась 24 года. Горный Кадетскій Корпусъ, снабжающій Россію искусными горными чиновниками, а общество образованными людьми, также обязанъ своимъ существованіемъ сей Великой Монархинѣ. Михайло Федоровичъ Соймоновъ, бывшій Президентомъ Бергъ-Коллегіи, составилъ планъ онаго, утвержденный Екатериною въ 1772 году. Рудокопная модель, находящаяся въ семъ заведеніи, устроена извѣстнымъ ученымъ Г. Ренованцомъ. Императоръ Александръ обогатилъ Кабинетъ сего Корпуса прекраснымъ собраніемъ минераловъ знаменитаго въ ученѣмъ свѣтѣ Форстера. За симъ учебнымъ заведеніемъ слѣдуетъ Морской Кадетскій Корпусъ, колыбель всехъ лучшихъ Офицеровъ нашего флота, гордящійся именами Спиридова, Чичагова, Сенявина, Сарычева, Крузенштерна, Головина, и многихъ другихъ. Корпусъ сей образовался изъ заведеннаго въ Москвѣ Петромъ Великимъ Навигаціоннаго Училища (**), и всегда былъ предметомъ попеченія мудрыхъ Россійскихъ Монарховъ. Онъ получилъ насстоящее свое образованіе при Императрицѣ Елисаветѣ въ 1752 году, и послѣ случившагося въ 1775 году пожара, переведенъ былъ въ Кронштадтъ, гдѣ осмалелъ до 1796 года. Корпусъ сей имѣетъ въ глазахъ Липератора еще и то достоинство, что оный доставилъ Россіи многихъ отличныхъ Писателей. Вотъ достойный храмъ Свободныхъ Художествъ (***), воздвигнутый Императрицею Екатериною въ 1788 году. Сіе заведеніе для образованія Рускихъ Художниковъ еще въ 1758 учреждено по предста-

(*) Сія новая мысль о побудительныхъ причинахъ къ построенію Пепербурга не принадлежитъ мнѣ, но сообщена мнѣ въ разговорахъ Н. А. Бестужевымъ, занимающимся нынѣ составленіемъ Исторіи Россійскаго флота. — *Сок.*

(**) Оно перенесено въ С. Петербургъ въ 1715 году.

(***) Академія Художествъ построена Рускимъ Архитекторомъ Александромъ Кокориновымъ.

пельству Рускаго Мецената И. И. Шувалова. Въ числѣ Президентовъ Академіи сіяють имена И. И. Бецкаго и Графа А. С. Строгонова, любившей и покровившей всего изящнаго. Козловскій, Маршосъ, Шебуевъ, Егоровъ, Кипренскій и многіе другіе знаменитые Художники, украсившіе столицу своими произведеніями, обязаны сей Академіи развитіемъ и усовершенствованіемъ своихъ дарованій. При видѣ Перваго Кадетскаго Корпуса, кто не вспомнишь о Князѣ Меншиковѣ, любимцѣ безсмертнаго Петра? Это былъ домъ сего Министра-военачальника; здѣсь Петръ Великій проводилъ время въ пріятныхъ бесѣдахъ и совѣщаніяхъ о важныхъ дѣлахъ Государственныхъ. Въ семь домѣ жилъ Императоръ Петръ II. Наконецъ, по предложенію Фельдмаршала Графа Миниха, Императрица Анна Іоанновна основала здѣсь разсадникъ Россійскихъ героевъ въ 1732 году: сей Корпусъ украсилъ Россійскую Исторію именами Румянцева - Задунайскаго и Кутузова - Смоленскаго. Здѣсь образовались многіе отличные Писатели; здѣсь воспріялъ начало Руской Театръ. Благодарное попощество съ почтеніемъ воспоминаешь И. И. Бецкаго и Графа Ангальша, коимъ сие военное заведеніе обязано лучшими своими учрежденіями. Противъ Корпуса возвышается обелискъ, воздвигнутый Императоромъ Павломъ побѣдителю при Кагулѣ, коимъ долженъ напоминать юнымъ питомцамъ о ихъ великомъ предназначеніи. Взглянувъ на Сенатъ, невольно вспомнишь, что тушь жили нѣкогда Остерманъ, Биронъ и Беспушевъ. Всѣ прое занимали важнѣйшія мѣста въ Государствѣ, и всѣ прое испытали въ заоченіи превращенія ~~недостойнаго счастья~~. ~~Предъ Сенатомъ~~ статуя преобразователя Россіи привлекаетъ мои взоры и сердце. Великая Жена достойнымъ образомъ почтила заслуги Своего предка. Огромная скала, лежавшая при деревнѣ Лахтѣ, разсѣяна на 12 верстъ отъ Петербурга, по мановенію Екатерины сдвинуша со своего основанія, и усиленъ 400 человекъ перенесена въ Петербургъ, чтобы служить подножіемъ лучшему произведенію Фальконета. 7-е число Августа 1782 года пребудетъ навсегда незабвеннымъ въ памяти Рускаго. При многочисленном спеченіи народа, въ присутствіи всего Двора, въ сей день открылся ликъ Петра, и радостныя восклицанія народа заглушили пушечные выстрѣлы. Монуменьтъ сей поставленъ въ самомъ приличномъ мѣстѣ, противу Адмиралтейства, основаннаго симъ Монархомъ для блюденія и сохраненія созданнаго Имъ же флота. (*) Въ нѣкоторомъ отдаленіи видна Исакиевская церковь, заложенная 30 Маія 1768 года, въ день рожденія Петра Великаго. Въ одномъ мѣстѣ, сколько великихъ воспоминаній, усладительныхъ для души Рускаго патриота! — Миновавъ Исакиевскій мостъ, нельзя не удивляться дарованіямъ Генерала Бетанкура, который при построеніи онаго умѣлъ соединить легкость, красоту и прочность. На томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ воз-

(*) Оно перестроено при ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ Рускимъ Архипепиоромъ Андреемъ Захаровымъ.

вышается Зимній Дворецъ, почищаемый по справедливости однимъ изъ величественнѣйшихъ зданій въ Европѣ, находился прежде большой деревянный домъ Графа Апраксина съ обширнымъ садомъ. Здѣсь часто радушный хозяинъ угощалъ Петра Великаго; здѣсь совершилось бракосочетаніе Великой Княгини Анны Петровны съ Герцогомъ Голштинскимъ въ 1725 году. Домъ сей опказанъ по завѣщанію хозяиномъ Императору Петру II. Тутъ жила еще Императрица Анна во все время своего царствованія. Елизавета Петровна поручила знаменишому Архитектору, Графу Растрелли, построить на семь мѣстъ истинно царскіе чертоги, коимъ основаніе положено въ 1752, а работа кончилась въ 1762 году. Императоръ Петръ III, первый обитатель въ ономъ. Къ сему дворцу примыкаешь Эрмитажъ, построенный по повелѣнію Екатерины II, гдѣ сія Великая Государыня отдыхала отъ трудовъ въ кругу избранныхъ гостей. В. И. Туманскій въ своемъ Посланіи (*) къ Г. Р. Державину въ нѣсколькихъ стихахъ живо изобразилъ сію Монархиню и блестящее Ея царствованіе:

Ты живо начертала сію полубогиню,
Хозяйку милую средь избранныхъ гостей,
Героя и вождя въ кругу богатырей,
Но всюду Рускую, вездѣ Екатерину!
Жену, которая очаровала судьбину,
Умла нисходишь къ мечтамъ отъ важныхъ думъ,
Въ безвѣстномъ юношѣ предвидишь зрѣлый умъ;
Надъ сердцемъ властвовать, давала законы міру;
Улыбкою будишь пвою, Державинъ, лиру;
Въ доспѣхахъ война скакала передъ полкомъ;
Вольтера побѣждаетъ Аштическимъ перомъ,
И даже въ Санъ-Суси пугала Фридерика,
Не вѣдаешь, сколь сама прекрасна и велика!

Зданіе на правомъ берегу Невы съ обсерваторією, принадлежащее нынѣ Академіи Наукъ, и вмѣщающее въ себя библіотеку и кабинетъ рѣдкостей или Куницкамеру, замѣчательно тѣмъ, что оно было дворцомъ Царицы Прасковьи Федоровны, Супруги Царя Ивана Алексѣевича. Академія Наукъ воспріяла свое начало еще при Петрѣ Великомъ въ 1724 году, но открыта торжественно 1-го Декабря 1725. Славнѣйшіе ученые въ Европѣ

(*) Отрывки изъ сего прекраснаго Посланія, находящагося нынѣ въ рукописи, читаны были въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Слоvesности, Мая 23 дня 1823 года.

считаются Членами сего заведенія, которое было весьма въ пѣвущемъ состояніи при Княгинѣ Екатериинѣ Романовнѣ Дашковой, бывшей Предсѣдательницей оной. Сверхъ многихъ полезныхъ трудовъ, изданныхъ симъ почтеннымъ Сословіемъ, путешествіе Членовъ онаго по Россіи, должно считаться истиннымъ благодѣяніемъ для Наукъ. Предъ симъ заданіемъ видна часть такъ называемыхъ 12 Коллегій, гдѣ прежде были всѣ присудственные мѣста.

Вошь Биржа съ прекрасною своею колонадою! Она построена при ИМПЕРАТОРѢ АЛЕКСАНДРѢ по плану, предсавленному Графомъ Н. П. Румянцовымъ, и утвержденному Государемъ въ 1804 году (*). Если позволено дѣлать примѣненія новыхъ установленій къ древнимъ обычаямъ, то Биржу можно назвать храмомъ Фортуны. Сколько поклонниковъ слѣпой богини, собирается здѣсь ежедневно, съ робкими мольбами и дерзкими надеждами! Искусные въ коммерческой справкѣ въ нѣсколько минушь выигрываютъ милліоны — другіе теряютъ оныя. Здѣсь колесо Фортуны всегда въ движеніи. Но теперь не одни купцы, а люди всѣхъ состояній, всякаго возраста и пола, являясь на Биржу. Здѣсь съ 12 Іюня разыгрывается въ лотерею огромное имѣніе Графа Головина, и тысячи желаній, тысячи надеждъ усремлены были къ одному предмету—къ Воропынцу. Сколько радостныхъ сновъ, обширныхъ плановъ сдѣлано было на счетъ будущихъ благъ! Безъ сомнѣнія всякой, кто бралъ билетъ, надѣялся выиграть, и Воропынецъ, какъ электрическая сила, потрясалъ сердца. Все кончилось! Судьба Воропынца рѣшилась, и облако, затемнявшее воображеніе столь многихъ тысячъ — разсѣялось.

Мраморный дворець, единственный въ своемъ родѣ, построенъ Императрицею Екатериною II. (1770-1783) для Генераль-Фельдцейгмейстера Князя Григорія Григорьевича Орлова. Орловъ скончался, не обидѣвъ въ ономъ, и дворець купленъ въ казну отъ наследниковъ его. Съ 1797 года онъ принадлежитъ Его Императорскому Высочеству, Цесаревичу и Великому Князю КОНСТАНТИНУ ПАВЛОВИЧУ. Здѣсь жилъ и умеръ Польскій Король Спаниславъ Августъ. Монументъ Суворова, начатый по повелѣнію Императора Павла I, и воздвигнутый при АЛЕКСАНДРѢ, 5 Маія 1801 года, стоящій при помѣ самомъ мѣстѣ, гдѣ жилъ Король Польскій, приводитъ на мысль славу Римскаго героя, непостоянство и превращенность земнаго величія. Красивая рѣшетка лѣшняго сада удивляетъ всякаго; она сдѣлана при Екатеринѣ II. (1778-1784), а садъ заложенъ еще при Петрѣ Первомъ въ 1711. Тутъ бывало сей Государь, въ праздники, угощалъ жителей столицы: сюда приходили люди всякаго состоянія, отъ вельможи до простаго

(*) Биржа построена Архитекторомъ Томономъ.

машроса, веселишься, и за кубкомъ вина опдыхашь ошь трудовъ своихъ. Напрошивъ лѣшняго сада прекрасный фасадъ Петропавловской крѣпости съ величественнымъ шпицомъ привлекаешь взоры. Она заложена Петромъ Великимъ, 16 Маія 1703 года, вскорѣ послѣ завладѣнія устьемъ Невы и взятія Нейшанца. Здѣсь почиють Россійскіе Монархи ошь Императора Петра I, и находилъсѣ Монетный дворъ. Гранитная одежда фасада со стороны Невы сдѣлана въ 1784 году. Въ праздникъ Преполовненія, жителямъ города позволяется гуляшь по валу, вокругъ крѣпости. Не въ дальнемъ разстояніи ошь оной у Троицкаго моста стоишь домикъ, посвѣщеннй Петромъ Великимъ при заложеніи Пепербурга; онь сохраняется какъ драгоценность, подь каменною заслоною. Въ семь маломъ жилищѣ составились великіе планы къ преобразованію Россіи.

Лодка моя поворачиваетъ въ малую Невку, и первое спросеніе, которе возбуждаешь во мнѣ историческое воспоминаніе, естъ Самсоньевская церковь, находящаяся въ нѣкошоромъ опдаленіи ошь берега. Послѣ Полшавской побѣды Петръ, возвращаясь въ Пепербургъ въ помъ же 1709 году, основалъ сей храмъ въ память знаменитаго происшествія, ушвердившаго навсегда могущество Россіи на Сѣверѣ. На обширномъ кладбищѣ окружающемъ церковь, погребены брѣнные останки Кабинетъ-Министра Аршемія Пешровича Волинскаго, сдѣлавшагося жершвою властолюбиваго Бирона. Въ одной съ нимъ могилѣ покоишься Андрей Фодоровичъ Хрущовъ и Пепръ Еропкинь, участники его злошолучія. Лѣшь 16 пому назадъ, одна изъ родшвенницъ Волинскаго, воздвигнула скромный монументъ надъ сей могилою. На гранитномъ подножіи стоишь урна изъ бѣлаго мрамора, на коей надписаны имена и годъ (1740, 27 Юня) кончины погребенныхъ въ семь мѣсѣхъ спрадалцевъ. Изъ урны исходишь пламя: эмблема любви къ опечешству. К. Ф. Рылѣвъ, первый изъ Рускихъ Стихотворцевъ, воспѣлъ несчастную кончину Волинскаго.

Для опдохновенія моихъ гребцовъ, и для собшвеннаго разсѣянія я вышелъ на берегъ на Апшекарскомъ опшровѣ.

(Продолженіе впредѣ.)

II.

ДАЙ БОГЪ ТАКОГО МИНИСТРА!

Восточный анекдотъ.

Одинъ изъ Восточныхъ владѣтелей имѣлъ добродѣшельнаго и дѣяшельнаго Визиря. Разгнѣвавшись однажды, Султанъ опшсавилъ его ошь должности, но желая наградишь его за долговременную службу, позволилъ шребовашь все, чѣго ему угодно. Визиръ сказалъ: „повели, Государь,

найши въ своихъ обласяхъ нѣсколько десятинаъ невоздѣланной и ненаселенной земли, чпобъ удобряя оную собственными руками, я могъ прокормить мое семейство.“ Султанъ приказалъ правителямъ обласей исполнить желаніе Визиря; но щепны были все ихъ усилія, и они донесли своему Повелителю, что во всемъ Государствѣ нѣтъ земли невоздѣланной. Султанъ призвалъ къ себѣ Визиря и сказалъ ему: „пробуй отъ меня чего-нибудь другаго, ибо желаю побою земли нѣтъ въ моихъ владѣніяхъ.“ — „Ничего не желаю отъ себя, отвѣчалъ Визирь; я хотѣлъ только показати, въ какомъ состояніи отдаю тебѣ обласи, находившіяся въ моемъ управленіи, чпобъ преемникъ мой отдалъ тебѣ оныя столь же населенными и воздѣланными, какъ я ему оставилъ.“

III.

ВОСТОЧНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Когда соловей поетъ, вороны говорятъ: довольно хорошо, но жаль, что слабъ голосъ. —
Съ Арабскаго.

Умный человекъ познаетъ глупаго, ибо самъ былъ некогда глупъ; но глупый не узнаетъ умнаго, ибо никогда умнѣе не былъ. — *Съ Арабск.*

~~~~~

Глупый ничѣмъ не отличаетъ отъ умнаго — когда оба молчатъ. *Арабск.*

~~~~~

Жидъ не для того принимаешь Магомешанскую вѣру, чпобъ быть Мусульманиномъ, но единственно для того, чпобъ его не называли Жидомъ. *Турецк.*

~~~~~

Разсудительный человекъ подобенъ водѣ, которая принимаетъ на себя цвѣтъ окружающихъ ее предметовъ. *Съ Китайскаго.*

~~~~~

Лицемеръ въ религіи подобенъ огню, который жжетъ все, что только къ нему прикоснется.
Съ Персидскаго.

IV.

АНТИКРИТИКА.

Ошвѣтъ на спашью, помѣщенную въ No. XIX Новостей Липерашурныхъ, издаваемыхъ при Р. И. подъ заглавiемъ: *Замѣчанiя на Краткое обзорнiе Руской Литературы 1822 года, напечатанное въ No. 5 Сѣверн. Арх. 1823 года.*

Plus on aime quelqu'un, moins il faut qu'on le flatte.

Molière.

Мнѣ не возможно ошвѣщать подробно на все возраженiя и замѣчанiя, сдѣланныя Княземъ П. А. Вяземскимъ на мою спашью, именно по тому, что нѣкоторые предметы, о коихъ идетъ дѣло, представленные въ полномъ своемъ видѣ, произведутъ во многихъ непрiятное впечатлѣнiе, и сiе безъ сомнѣнiя не принесетъ ни малой пользы. Почтенный мой Кришикъ имѣетъ предо мною поже самое преимущество, какимъ пользуется Живописецъ, составляющiй каршину по волю своего пламеннаго воображенiя, предъ Живописцемъ, который обязанъ списывать съ угрюмой и неромашической природы. Г. Кришикъ писалъ, какъ бытъ должно; а я-представлялъ вещи шакъ, какъ онѣ суть въ самомъ дѣлѣ. Бросимъ взглядъ на главные обвинишельные пункты, составляющiе существо кришики, и постараемся оправдаться.

Я сказалъ, что наша публика, въ особенноти высшiй классъ общества, весьма мало читаетъ по Руски, а еще менѣе покупаетъ Рускiя книги. По моему мнѣнiю, сiе равнодушiе публики къ отечественнымъ произведенiямъ охлаждаетъ въ юныхъ сердцахъ жаръ къ благороднымъ занятиямъ Липерашурнымъ, и препятствуетъ образованнымъ людямъ избирать Авторское состоянiе, которое не представляетъ никакихъ существенныхъ выгодъ или преимуществъ въ обществѣ. Три или четыре исключенiя изъ правила не могутъ бытъ приняты основательною причиною къ опроверженiю онаго. И шакъ по моему мнѣнiю, въ маломъ числѣ людей стремящихся на Липерашурное поприще, безъ сомнѣнiя еще менѣе найдется хорошихъ Писателей. Это необходимо послѣдствие первыхъ причинъ. Въ маломъ числѣ знавыхъ гораздо менѣе избранныхъ. Г. Кришикъ старается совершенно опровергнуть мое мнѣнiе, и замѣняетъ сказанное мною различными предположенiями и замысловатыми реченiями, которые онъ заключаетъ слѣдующими словами: (см. Н. Л. стр. 82) „Хорошiя книги читаются у насъ охотно, или по крайней мѣрѣ, чтобы не судить по наружности, охотно раскупаются. *Исторiя Государства Россiйскаго, Теорiя о налогахъ, Опытъ о партизанскомъ дѣйствiи,* сочиненiя различнаго достоинства и содержания; — но однимъ словомъ, сочиненiя Европейскiя, доведены въ скоромъ времени до втораго изданiя.“ Я не буду спорить о достоинствѣ сочиненiй приведенныхъ въ доказательство, но долженъ повторить сказанное мною выше,

что примѣръ прехъ сочиненій можешь служить не опроверженіемъ правила, а только исключеніемъ изъ онаго. Если бѣ въ подкрѣпленіе моего мнѣнія я захопѣлъ приводить всѣ сочиненія испинно *Европейскаго* достоинства, копорыя вовсе не обращаютъ на себя никакого вниманія публики, то мнѣ надлежало бы сослать довольно пространнй каталогъ, копорый однакожь уступилъ бы въ огромности каталогу книгъ *Азіатскаго* достоинства (п. е. Сказокъ и Романовъ, копорыя съ жадностію читаются публикою), равно какъ и списку сочиненій *Африканскаго* достоинства, (то есть, Гадапельныхъ книжекъ, Снополоквашелей и проч.) изъ коихъ нѣкоторыя уже напечатаны 15 изданіемъ. Спрашиваю, читаются ли у насъ съ такимъ любопытствомъ, какъ должно, Пешешествія Сарычева, Головина, Крузенштерна, Н. Н. Муравьева, по отданнымъ справамъ свѣша; знаютъ ли у насъ почтенныхъ Академиковъ, описавшихъ въ первый разъ Россію и богатныя ея произведенія? Историческія сочиненія Шлецера, Миллера, записки Миниха, К. Шаховскаго такъ ли приняты публикою, какъ заслуживаютъ по своему достоинству. (*) И самая Исторія Государства Россійскаго, копорою Г. Кришкѣ уличаетъ меня, можешь ли служить доказательствомъ, что хорошія книги у насъ охотно читаются, по крайней мѣрѣ, хорошо раскупаются? Положимъ, что въ Россіи изъ числа 45,000,000, жителей, можно считатьъ *одни* миллионъ читающихъ, включая въ сіе число дворянство, духовенство и женскій полъ. Намъ извѣстно, что изъ двухъ изданій сей Исторіи по-нынѣ продано около 5,000 экземпляровъ, и такъ на 200 человекъ читающихъ приходится только по одному экземпляру! Скажу болѣе: тогда, какъ напыщенныя мечпанія ла-Мартина (*Meditations poétiques de la Martine*) напечатаны вторымъ изданіемъ въ Петербургѣ; испинно классическія сочиненія Башюшкова, по-нынѣ не распроданы первымъ изданіемъ; сочиненія Н. М. Муравьева, также; сочиненія В. А. Жуковскаго хотя печатаются новымъ изданіемъ, но находясь во множествѣ въ книжныхъ лавкахъ, равно какъ и шворенія И. И. Дмипріева и п. п. Да позволено мнѣ будетъ дѣйствовать собственнымъ оружіемъ моего Кришкѣ, и сказать ему въ заключеніе о семъ предметѣ, что сочиненія Графа Д. И. Хвостова, на копорого онъ споль сильно возстаетъ, уже напечатаны 5-мъ изданіемъ.

Далье Г. Кришкѣ говоритъ, что опличная (?) часть нашихъ читателей преимущественно предается чтенію иностранныхъ книгъ попому, что онѣ болѣе удовлетворяютъ господствующимъ преобаніямъ нашего поколѣнія, и соглашаются болѣе со степенью образованности умовъ. — Прекрасныя надежды, блистательныя мечты! — Было время въ Россіи, что всякій знатный человекъ, или вышедшій въ знанъ, непременно заводилъ у себя каршинную галерею и библиошеку. — Нынѣ другое дѣло; я нарочно справлялся у книго-

(*) Большая часть сихъ сочиненій достойно оцѣнены иностранцами и переведены на разныя Европейскіе языки.

продавцевъ и узналъ, что число покупаемыхъ книгъ, историческихъ и политическихъ, содержишься къ числу покупаемыхъ Романовъ и романтическихъ произведеній разнаго рода, какъ 1 къ 20; но естъ, если книгопродавецъ продастъ одинъ экземпляръ Политической Экономіи, по въ продолженіе сего времени двадцать Романовъ поспушаютъ съ полокъ его лавки въ домашнія библіотеки. Г. Кришкь предполагаетъ, что наша молодёжь отъ шого не читаетъ Рускихъ Журналовъ, что съ жадностію занимается чтеніемъ иностранныхъ. Да позволено мнѣ будетъ усомниться въ истинѣ сего предположенія. Г. Кришкь, писавши свои возраженія, мечталъ объ Эльдорадѣ; а я справлялся въ Санктпетербургскомъ Почтамтѣ, и узналъ, что въ числѣ 6000 выписываемыхъ чрезъ оный Газетъ и Журналовъ находилась только 600 иностранныхъ всякаго содержанія. Пересчитайте учебныя и ученыя заведенія и иностранцевъ, которые вовсе ничего не читаютъ по Руски: по право изъ числа 600 экземпляровъ не много доспанется нашей молодёжи. Должно замѣнить при семъ, что въ Пешербургѣ находилась Дворъ, Гвардія и почти всѣ высшія инстанціи присудственныхъ мѣстъ: слѣдовательно молодёжи здѣсь гораздо болѣе нежели въ другихъ городахъ, а по шому и сомнѣваюсь, чтобы Москва представила выгоднѣйшія для Г. Кришки доказательства.

Полагаю, что Г. Кришкь сказалъ въ шутку, будто бы богатые Рускіе бояре ѣздя въ Парижъ, Лондонъ и Испалію; *искать истогниковъ благосостоянія народовъ и Правительствъ и угнѣться тайнами Государственнаго управленія.* (*) Мы до сихъ поръ слышали только объ источникахъ цѣлительныхъ водъ, къ коимъ ѣздя въ Россіи съ большими издержками, поправлялъ разспрошенное здорье; но никакъ не думаемъ, чтобы гдѣ-нибудь существовалъ *истогникъ благосостоянія народовъ и Правительствъ*, изъ коего надлежало бы почерпнуть мудрость и счастье, какъ Зелцерскую воду, чтобы потомъ развозить по Европѣ. *Тайна Государственной Науки* также не скрывается въ подземелье какогонибудь замка; все, что можетъ споспѣшествовать народному благу, заключается въ нѣсколькихъ истинахъ, обнаруженныхъ и перепечатанныхъ, извѣстныхъ всякому образованному челоуку. Политическое воображеніе представляетъ почтенному Кришкику предметы въ самомъ блестящемъ видѣ, и это дѣлаетъ честь его сердцу. — Но мы, холодные люди, видимъ вещи въ ихъ настоящемъ образѣ и должны замѣнить Г. Кришкику, что въ наше время, п. е. въ продолженіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, изъ нѣсколькихъ тысячъ Рускихъ путешественниковъ, только шрое описывали Присудственные мѣста и другія политическія учрежденія въ иностранныхъ Государствахъ, а именнo Г. Т. С. и Сенапоръ Сумароковъ, Г. Цвѣшаевъ и Н. И. Гречь. О сокрытыхъ талантахъ мы судить не можемъ не видавъ оныхъ, и по предположеніямъ судить не смѣемъ.

(*) Собственные слова Г. Кришкика см: Нов. Лит. стр. 91.

Г. Кришникъ не вѣришь, что у насъ можеть существовать народная Руская Идиллія, и говоришь: „вѣкъ нашихъ Тишировъ и Мелибеевъ такъ мало похожъ на златый вѣкъ, что Идилліи и Эклоги наши, не смотря на достоинство стихосложенія, всегда будутъ пасмурны и холодны какъ небо, которое большую часть года однимъ мракомъ одѣваетъ природу вовсе не Темпейскую.“ — Спѣшное сужденіе! — Здѣсь дѣло идетъ вовсе не о климатѣ. Вездѣ, гдѣ есть люди и природа, (прелестная или ужасная,) тамъ вездѣ есть и Поэзія. Вездѣ, находясь пасухи, рыбаки и поселяне; описаніе ихъ чувствованій, нравовъ и обычаевъ принадлежитъ къ роду Эклогъ и Идиллій. Неужели Г. Кришникъ просподушно вѣришь, что пасухи Виргилія, Теокрипа и Геснера были споль же нѣжны и образованы, какъ швореніе сихъ Поэшовъ? — Поэзія украшаетъ существованіе прелестью вымысла—вопъ достоинство оной и различіе опъ этнографическихъ и спатистическихъ описаній, въ коихъ пребуется одна вѣрность. Идиллія *Рыбаки*, сочиненія Н. И. Гивдича, могла неоправиться Г. Кришику; о вкусахъ нельзя спорить, но мы смѣло утверждаемъ, что сей родъ Поэзіи можеть и долженъ существовать на Рускомъ Парнассѣ: ибо Шведы и Поляки, живущіе съ Рускими почпи въ одномъ климатѣ, имѣють свои народныя Эклоги и Идилліи. (*)

На всѣ прочія возраженія и замѣчанія, помѣщенныя въ кришникѣ и въ прибавленіи къ оной, касательно мнѣнія моего о различныхъ сочиненіяхъ и проч. я не имѣю нужды отвѣчать, во первыхъ по тому, что не могу согласиться съ мнѣніемъ Гг. Кришиковъ, и не надѣюсь привлечь ихъ на мою сторону, а во вторыхъ, что многія показанія и предположенія кажутся мнѣ не совсемъ справедливы, какъ напримѣръ, всѣ книги, показанныя пропущенными въ Библиографіи Сына Опечества — не пропущены; спойшь только справился. На замѣчанія Г. Кришика о незанимательности сей Библиографіи предоставляю отвѣчать самому Изданелю С. О. На жестокую выходку противу Литературныхъ Прибавленій къ С. О. снискавшихъ однако жъ всеобщую похвалу и одобреніе (какъ свидѣтельствуетъ подиска на оныя), Издатели сего *повременнаго изданія*, а не *Журнала*, какъ замѣтилъ Г. Кришникъ, уже сами отвѣчали ему на *оберткѣ* 12-й книжки онаго. Мы не имѣемъ нужды также защищать Вѣспникъ Европы, коего опличное достоинство признано всею просвѣщенною публикою. Все, что сказано на счѣтъ почтеннаго Издашеля сего Журнала, всѣ выходки о *посредственности* не *золотой* а *свинцовой*, о существующихъ въ Словесности *партіяхъ* и проч. вовсе не подлежатъ полемическимъ спорамъ, ибо разгадывается однимъ стихомъ:

Personne n'a de l'esprit hors nous et nos amis.

(*) Г. Кришнику, (какъ знающему Польскій языкъ), съ коего онъ перевелъ многія басни, должны бышь извѣстны прекрасныя Идилліи и Эклоги, Зиморовича, Нѣмцевича, Нарушевича и другихъ. На Польскомъ языкѣ онѣ имѣють даже свое особенное наименованіе (Sielanki).

Въ заключеніе моего опыта повшорю сказанное однажды, что я не вѣрю и вѣришь впередъ не спану, чпобъ нѣсколькѣ мѣлкихъ прозаическихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ Московскихъ Журналахъ, лѣтъ за двадцать тому назадъ, могли преобразовать Рускій языкъ до такой степенн, на какой онъ нынѣ находится. Тогдашніе Писатели имѣли сильное вліяніе на *преобразование слога*, а не *языка*, который покорился времени, обшпояшельствамъ, возрастающей поспешенно образованности, новымъ понятіямъ о вкусѣ, о прекрасномъ и проч. Изъ множества прозаическихъ сочиненій, мы почисаемъ первымъ: *Исторію Государства Россійскаго* Г. Карамзина, которая можетъ служить образцомъ языка и слога; а до появленія оной въ свѣтъ, всѣ мѣлкія прозаическія сочиненія не имѣли своего опредѣленнаго достоинства, и не могли служить образцами къ уснановленію непреложныхъ правилъ языка. Dixi.

Оканчиваю искреннимъ сожалѣніемъ, что не могу согласиться съ споль почтеннымъ Писателемъ, каковъ К. П. А. Вяземскій, котораго лично уважаю, и высоко цѣню его піщическія дарованія. Можетъ быть я и ошибаюсь: это общій намъ удѣлъ.

Souvent on entend mal ce qu'on croit bien entendre. (*)

Ө. Булгаринъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

V.

ЧЕРНАЯ РѢЧКА.

Пора покинуть шеремъ древній,
Пора мнѣ воспѣвать луга,
Свободу, свѣшлыя деревни
И Черной рѣчки берега.

*

Просни, обманчивая радость
Высокихъ, мраморныхъ палатъ:
Сихъ мѣстъ уединенныхъ сладость
Душъ плѣнительный шокрасть.

*

(*) Molière.

Здѣсь неизмѣнныя забавы!
Здѣсь мило слушать, какъ порой,
Словоохотныя дубравы
Съ болѣливой шепчутся волной.

•

Здѣсь мило, предаваясь лѣни,
Слѣдишь по влагѣ у береговъ,
Березъ прелещущія сѣни
И цѣпи легкихъ облаковъ.

•

Но вопль со свода голубова
Скапилось солнце; день погасъ;
Упихло всё, и безъ покрова
Нисходитъ вечеръ въ поздній часъ.

•

Умолкли сельскія пѣвицы,
Ко мнѣ лепящъ изъ-далека
Лишь споны перелѣтной пшеницы
Иль гулъ призывный рыбака.

•

О рѣчка! много оживила
Ты милыхъ сновъ въ водахъ своихъ,
Когда безъ веселья и въприила
Я тихо плыль по волѣ ихъ.

•

Въ душѣ возобновлялись думы,
Въ устахъ шѣснились мольбы;
Разоблачался видъ угрюмый
Давно разгнѣванной Судьбы.

•

Я вспоминалъ мой объѣмы,
Надежды, слёзы и любовь,
И милой давнѣ привѣты
Какъ прежде волновали кровь.

*

Она повсюду мнѣ являлась
Бышь можешь, здѣсь, въ полдневный зной,
Она небрежно наклонялась
И воду черпала рукой.

*

Бышь можешь, образъ незабвенной
Напечатлѣлся на водахъ —
И мнѣ сіялъ онъ неизмѣнно
Въ моихъ измѣчивыхъ мечтахъ.

*

Капись, капись волною сонной,
О рѣчка тихая моя,
И добродушно, благосклонно
Ласкай любви моея края.

*

Съ дубравнымъ шумомъ непрерывно
Сливай свой говорливый шокъ,
Какъ съ пѣснью дѣвы заунывной
Вдали сливается рожокъ.

*

Когда жъ ты грусть ея пробудишь,
Не скрой мнѣ ласковыхъ рѣчей —
И, рѣчка Черная, ты будешь
Свѣшлѣ зеркальныхъ морей.

VI.

Х У Д О Ж Е С Т В Е Н Н Ы Я И З В Ъ С Т І Я .

Въ книжномъ магазинѣ А. Плюшара, въ Большой Морской, въ домѣ Косиковскаго No. 69, можно ежедневно видѣть собраніе картинъ извѣстнѣйшихъ Художниковъ, принадлежащее Кавалеру Арриги, который прибылъ съ онымъ въ здѣшнюю столицу изъ Рима. Въ семь собраній заслуживающъ особенное вниманіе:

1. Большія картина, писанная на деревѣ Іоанномъ Белино, Художникомъ Венеціанской школы.
2. Оригинальное очертаніе большого образа Св. Ромуальда, находящагося въ Вапиканскомъ Музеѣ. Произведеніе извѣстнаго Андрея Саки (Sacchi).
3. Венера, произведеніе знаменитаго Тиціана.
4. Множество картинъ Фламандской и Испаніанской школы, между коими находятся произведенія Пепра Перуджино (Perugino), Гверчино (Guercino), Гвидо Рени (Guido Reni), Карачія (Caracci), и другихъ. — Всѣ сіи картины находились въ галереѣ извѣстной въ Испаніи фамиліи Арриги (Arrighi).

Въ ономъ же магазинѣ А. Плюшара продается собраніе военныхъ костюмовъ, въ числѣ 61 картины; 42 изъ нихъ липографованы знаменитымъ Орловскимъ. Цѣна за все собраніе на веленовой бумагѣ съ раскрашенными фигурами 350 рублей.

Мы полагаемъ, что со времени изобрѣшенія Липографіи, ничего не было сдѣлано совершеннѣе въ семь родѣ, какъ 200 липографованныхъ изображеній и видовъ при сочиненіи: *Voyages pittoresque dans l'ancienne France, la Normandie*. При семь изданіи исщощено все Типографское искусство Дидоша, которому вспомошествовали лучшіе Парижскіе Художники и Живописцы. Бумага, печать, рисунки, все приводитъ въ восхищеніе любителей Искусствъ, которымъ советуемъ по крайней мѣрѣ взглянуть на сіе рѣдкое произведеніе Типографической роскоши. 2 часпи, въ большой листъ, продаются по 350 рублей.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я :

Санктпетербургъ, 1-го Іюля 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

№. II.

СОДЕРЖАНИЕ. *Проза*: I-е, Письма о Петербургъ, Прогулка за городъ. (Продолженіе). — II-е, Лотерейный билетъ, или Люди такъ какъ они есть, отрывокъ изъ характерной Комедіи — *Критика*. III-е, Письмо отъ члнателя Отечественныхъ Записокъ къ Издателю Сѣвернаго Архива. — IV-е, Письмо къ Издателю Сѣвернаго Архива о Кяхтѣ. — *Стихотворенія*. V-е, Сила плани Божіа. Соч. Ф. Н. Глинки. VI-е, На выпускъ пшеники.

П Р О З А.

I.

П И С Ъ М А о П Е Т Е Р Ъ Б У Р Г Ъ .

Прогулка за городъ.

(Продолженіе.)

Аптекарскій островъ въ старину назывался *Березовымъ*. При началѣ построенія Петербурга здѣсь было Нѣмецкое кладбище, но вскорѣ Императоръ Петръ Великій перемѣнилъ его назначеніе; развелъ на ономъ Ботаническій садъ, и привелъ въ цвѣтущее состояніе, купивъ множество разныхъ произрастѣній въ Англій. При семъ же Государѣ устроены были деревянныя сушильни для травъ и лабораторія для приготовленія аптекарскихъ матеріаловъ. Каменные строенія, находящіяся на берегу, воздвигнушы при Императрицѣ Екатерицѣ II, (1789—1791 годовъ), для помѣщенія въ оныхъ Медико-Хирургическаго Института, учрежденнаго 1783 года для приготовленія юношества Остзейскихъ провинцій, къ лекарскому званію. Но по причинѣ отдаленія сего острова отъ мѣста правды, т. е. Сухопутныхъ и Морскихъ Госпиталей, проектъ сей оставленъ безъ исполненія, ученики поступили въ Медико-Хирургическую Академію, а въ каменныхъ зданіяхъ, распространенныхъ въ послѣдствіи приспособками, нынѣ находятся Химическая лабораторія, фабрика для дѣланія инструментовъ, и Школа для 50 аптекарскихъ помощниковъ, заведенная въ нынѣшнемъ 1823 году. Видъ сего острова весьма привлекателенъ со стороны большой Невки: двойная алея акацій образуешь бульваръ, изъ за котораго возвышаются огромныя деревья и свѣтлѣются красныя крышки домиковъ, построенныхъ въ рядъ на берегу. Садъ расположенъ въ Голландскомъ вкусѣ, длинными, шепными аллеями, и

опдѣляется опъ оранжереи деревяннымъ решешчашымъ заборомъ. Оранжерея хошя содержишся въ порядкѣ, но небогата рѣдкостями, и не имѣеть болѣе 4000 разнородныхъ растѣній. Вскорѣ весь сей оспровъ приметъ другой видъ. По докладу Графа В. П. Кочубя, утверждѣнному Государемъ Императоромъ, здѣсь назначено бытъ обширному Ботаническому саду. Извѣстный въ ученомъ свѣтѣ Ѳ. Б. Фишеръ, (успроившій знаменитый Ботаническій садъ въ Горенкахъ, подмосковномъ имѣніи Графа А. К. Разумовскаго), опредѣляетъ Начальникомъ сего заведенія и исполнителемъ обширнаго предначертанія. Достопримѣчательно, что сіе полезное заведеніе будетъ успроено изъ экономическихъ суммъ Медицинскаго Департаментша безъ всякихъ новыхъ издержекъ.

Ни что сполько не улаждаетъ прогулки, какъ воспоминанія о добрыхъ дѣлахъ или о благородныхъ подвигахъ, которые совершились въ посѣщаемыхъ нами мѣстахъ. Поле сраженія, развалины города или огромные обелски человѣческой суешности, обращая на себя мое вниманіе, не возбуждающъ въ душѣ моей споль пріятныхъ чувствованій, какъ видъ жилища благодѣтельнаго человѣка, какъ мѣста, бывшія свидѣтелями благополучія и радости. Люди всеми пушями гоняющся по свѣту за счастьемъ. Они ищущъ его въ пылу сраженій, на морскихъ волнахъ, въ разсѣянности свѣтской жизни и въ уединеніи. Вся жизнь наша не, еспь ли одно шолько спремленіе къ сей единственной цѣли? И шакъ самый занимательный предметъ для мыслящаго существа, ~~естественно имѣющій видъ жилища человека счастливаго~~, ш. е. который соспавлялъ счастье другихъ. Занимаясь сими разсужденіями, я сошелъ на берегъ у Спрогоновой дачи.

Покойный Графъ Александръ Сергѣевичъ Спрогоновъ, при всей Европейской образованности, былъ испинный образецъ гостепріимства древнихъ Рускихъ Бояръ. Домъ его былъ всегдашнимъ прибѣжищемъ дарованій — и несчастія. Помощь, утѣшеніе, состраданіе, совѣты, привѣтливостъ, соспавляли первое угощеніе въ домъ Спрогонова. Онъ не покорялъ областей, не открывалъ новыхъ странъ; но имя его съ почтеніемъ сохранишся въ помоствѣ, ибо оно начертано не въ хартіяхъ испещренныхъ лествю, а въ сердцахъ благородныхъ. Спрогоновъ былъ другъ чловѣчества, покровитель дарованій — онъ исполнилъ всѣ обязанности вельможи.

Графъ А. С. Спрогоновъ жилъ роскошно и любилъ, по примѣру древнихъ Рускихъ Бояръ, веселишся въ публикѣ. Всякой праздникъ, въ прекрасномъ его саду играло нѣсколько оркестровъ музыки, горѣли потѣшныя огни, и веселыя толпы забавлялись шанцами на открытомъ воздухѣ, подъ успроенными для шого навѣсами. Для простаго народа разные фигляры и екоморохи показывали безденежно свое искусство и ловкостъ. Весь городъ спекался на Спрогонову дачу, ибо каждый посѣпитель былъ пріятнымъ гостемъ. Добродушный хозяинъ

самъ прохаживался по саду, разговаривалъ привѣжливо съ знакомыми и незнакомыми, ласкалъ дѣшей, угощалъ, подчивалъ и своею любезностію возбуждалъ всѣхъ къ веселію. При всей своей щедрости, Спрогоновъ не привелъ въ разстройство своего имѣнія, и не разорилъ ни одного семейства. Я слыхалъ ошъ спарожилость, что Императрица Екатерина II, представляя Графа А. С. Спрогонова Римскому Императору Иосифу II, поспѣшившему Пешербургъ въ 1780 году, сказала въ шупку: „рекомендую вамъ челоувѣка, которій во все время Моего царствования спарася прожить свое имѣніе, — и никакъ не можетъ.“ — „Виновагы ли я, ошвѣчалъ Графъ, что въ царствование Вашего Величества, мы всякій день находимъ новый случай къ веселію и праздникамъ, и новые источники народнаго богатства?“

Прошедши чрезъ Спрогоновъ садъ густыми липовыми аллеями, я взглянулъ на древнюю гробницу, привезенную изъ Архипелага Россійскимъ флотомъ, которая будто бы вмѣщала въ себѣ прахъ Гомера. (*) Но эта догадка не подтверждается никакимъ историческимъ доказательствомъ; и гробница замѣчательна единственно по барельефамъ, означающимъ глубокую древность. Прошивъ сада, на противоположномъ берегу Черной рѣчки, построены въ рядъ малые чистые домики, составляющіе сельцо Никольское. Это мѣсто напоминаетъ мнѣ Нѣмецкія деревушки вблизи цѣлищельныхъ водъ при Университетовъ. Здѣсь также поселяются на льшо многія городскія семейства, чтобы наслаждаться пріятностіями прогулки въ Спрогоновомъ саду и въ окрестностяхъ. На Черной рѣчкѣ живутъ по большой части люди средняго состоянія, Паспоры, Ученые, Литераторы и чиновники неимѣющіе большихъ доходовъ, а пошому, здѣсь всякой день можно бытъ въ самомъ хорошемъ обществѣ, освѣжить умъ и душу въ пріятной бесѣдѣ, и въ изліаніи благородныхъ чувствованій. Скромность запрещаетъ мнѣ наименовать людей, которымъ я обязанъ столь многими счастливыми минушами въ моей жизни; но сѣрый и желтый домики въ концѣ сельца навсегда пребудутъ въ моей памяти. На дачѣ бывшей Бахерахпа, нынѣ Г. Миллера, и далѣе на дачѣ Г.г. Ланскихъ, построены прекрасные сельскіе домики, составляющіе малыя отдѣльныя дачи, которыя, по цѣнамъ, принадлежатъ къ высшему разряду. Жители сихъ дачъ составляютъ особую колонію.

Возвращаясь къ моей лодкѣ, и продолжая плаваніе, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на прекрасную флоридію, споящую на якорѣ предъ Каменнымъ островомъ, которая всякой вечеръ привлекаетъ на берегъ окрестныхъ жителей пріятною музыкаю. Каменный островъ сначала принадлежалъ Канцлеру Графу Головкину, а послѣ Канцлеру Бесшужеву-Рюмину, который съ большими издержками осушилъ оный рвами и каналами, развелъ обширный садъ въ Голланд-

(*) Въ Европѣ и въ Азіи находятся множество гробницъ, которыя называются Гомеровыми; но вѣроятно ни одна изъ нихъ не естъ истинная.

скою вкѣсъ; и построилъ каменный домъ, служащій нынѣ лѣпнымъ дворцомъ. Въ царствованіе Императрицы Еккатѣрины II, дворецъ съ садомъ и прилежащими мѣстами соотвѣтствовалъ собственности Наслѣдника престола; блаженной памяти Императора Павла Петровича, который, оставивъ наружность дома въ прежнемъ видѣ, приспособилъ флигели, оранжереи, инвалидный домъ для 50 манросовъ, и въ послѣдствіи церковь во имя Св. Іоанна Іерусалимскаго въ готическомъ вкѣсъ, по плану знаменитаго Фельпена. (*) Входъ въ садъ открытъ для публики.

(Продолженіе впрѣдъ.)

II.

Нѣсколько явленій изъ характерной Комедіи, подъ заглавіемъ:

ЛОТЕРЕЙНЫЙ БИЛЕТЪ,

ИЛИ

ЛЮДИ ТАКЪ КАКЪ ОНИ ЕСТЬ.

Дѣйствующія лица: *Г. Мотинъ*, полупромошавшійся дворянинъ, живущій въ деревнѣ для поправленія разстроенаго имѣнія. *Г-жа Мотина* его жена романтическая модница. *Ванюша*, сынъ ихъ, избалованный мальчикъ лѣтъ 14-ми. *Вася*, сирота, сынъ бѣднаго дворянина, взятый въ домъ для забавы Ванюши, мальчикъ лѣтъ 15, умный и прекрасный. *Г-жа Желанкина*, компаніонка *Г-жи Мотиной*, дѣвица лѣтъ 35-ми, одного почши образа мыслей съ хозяйкою. *Г. Сету* (Sait-tout), Французскій гувернеръ, человекъ лѣтъ 25-ми. *Маша*, опущенная на волю служанка, воспитанная въ модномъ магазинѣ. *Иванъ*, камердинеръ, опущенный на волю. Проѣзжіи *мъщанинъ*.

Я в л е н і е I.

(*Г. Мотинъ* сидитъ при столѣ, и смотритъ въ бумаги; жена его, и *Г. Желанкина* занимающія женскими работами.)

(*) При семъ неслѣдуетъ почитать о трудахъ сего искуснаго Архитектора, украсившаго обѣ столицы многими великолѣпными зданіями. Онъ построилъ: *Эрмитажъ* съ висящимъ садомъ, увеселительный замокъ *Чесму*, гранитную *набережную* на лѣвомъ берегу Невы, желѣзную *рѣшетку Летнего сада*, четыре *Протестантскія* и одну *Армянскую церковь*, *Ломбардъ*, въ Царскомъ Селѣ, *первыя ворота*, *Китайскую деревню* съ *крестовидъ мостомъ*, *мостъ съ мраморною колонадою*, *развалины*. Въ Москвѣ большой *Воспитательный Домъ*, и множество казенныхъ и паршивулярныхъ строеній въ Петербургѣ и Москвѣ. Юрій Фельпенъ, родился и воспитывался въ Петербургѣ, былъ Директоромъ Академіи Художествъ и потому долженъ почитаться Рускимъ, не смотря на Нѣмецкую фамилію.

Г. Мотинъ. Всѣ вышедшіе нумера очень близки къ моимъ, и даже нѣкошорые изъ одной тысячи. Какъ знашь! можешь бышь форшуна и обернешя ко мнѣ лицомъ, и Воропынецъ свалился какъ снѣгъ на голову. Вѣдь кто-нибудь долженъ выиграть, а мнѣ очень пужно. Тогда бы

Г-жа Мотина. (Прерывая его, говоритъ скоро). Тогда, сей-часъ ѣду за границу. Ламартинъ шакъ прелестно описалъ восходящее солнце на озерѣ, а я поѣду смотрѣшь восхождение онаго на морѣ. Послѣ полечу въ Парижъ, въ столицу моды и вкуса; переберу по нишочкѣ всѣ модныя магазины; составлю библіотеку изъ новѣйшихъ романовъ; побываю на всѣхъ гульбищахъ, балахъ, во всѣхъ театрахъ. Опшуда поѣду въ Швейцарію, поплакашь надъ гробницею Руссо, мечашъ въ мѣстахъ одушевляющихъ спрасію Элоизы и пламеннаго Сениъ - Прѣ. Побываю въ южной Франціи, чшобы прочиташъ Сонетъ Пептрарки у Воклюзкаго источника, и вздохнуть о прекрасной Лаурѣ. Опшуда поспѣшу въ Италію, въ классическую землю чувствительныхъ Сонетовъ, Мадригаловъ и прогательныхъ арій. Хочу видѣшь Римъ, гдѣ жила Коринна

Г. Мотинъ. Поише, понише! Чшобъ съ шакою быспроюю удовлетворишь свои желанія, надобно было бы имѣшь колесницу Венеры, запряженную голубями. Ну, сударыня, ты имѣешь глубокія свѣдѣнія въ любовной Географіи, и знаешь наизусть всѣ мѣста, прославленные изступленіемъ страсти. Не лучше ли ошашся въ Россіи, купишь большой домъ въ столицѣ, дачу за городомъ, устроишь домашній театръ, музыку; блеснуть балами, удивить концершами, ослѣпить фейерверками, прнвѣстъ въ изумленіе экипажами, и шакимъ образомъ попадешъ въ *Отегественныя Записки*, сдѣлаешься историческимъ лицомъ *Современныхъ Летописей* и живешъ въ потомствѣ!

Г. Желанкина. Въ самомъ дѣлѣ, читая въ *Отегественныхъ Запискахъ* описаніе баловъ, завтраковъ, исчисленіе лучшихъ экипажей подъ качелями и въ Екатерингофѣ, мнѣ весьма больно, что я не вижу вашего имени. Жаль, что вы выѣхали изъ Петербурга предъ изданіемъ сего Журнала! Но все непременно надобно съѣздишь за границу, пошому что это принадлежешъ къ большому пону. Теперь нельзя начашъ иначе разговора какъ фразою: Когда я была въ Парижѣ и проч.; къ шому жъ всѣ моды приходяшь къ намъ шакъ поздно, что право не достаешъ шершнвья. Нѣтъ! по моему надобно непременно ѣхашъ въ Парижъ.

Г. Мотинъ. Это не удивительно, если бъ я выигралъ Воропынецъ имѣя 25 полныхъ билетовъ; но что бы было, если бъ съ однимъ бѣднымъ купономъ, выиграла напримѣръ — Маша. —

Маша. Тогда бы и Маша сдѣлалась Марісю Ивановною, поселилась въ Петербургѣ на дворцовой площади, гдѣ бываюшь вахш-парады, окружила себя шляпками, закушалась въ шали и кружева, купила огромный шуалетъ съ пребольшимъ зеркаломъ, пила чай и кофе по нѣскольку разъ

въ суши, при раза въ день прогуливалась въ Лѣпнемъ саду, и нарочно бы ѣздилъ въ каретѣ спорить къ Мадамъ N. у кошпору я училась, и въ мою очередь доказывашь ей, что она дурно общиваетъ кисейныя плащя. Повѣрьте, что и Маша съ деньгами умѣла бы показаться въ свѣтѣ!

Г. Мотинъ. Прекрасно! Но мой Иванъ вѣрно лучше бы распорядился.

Иванъ. Безъ сомнѣнія. Я бы завелъ у себя пребогатый буфетъ, нѣсколько билліардовъ, наполнилъ бы погребъ лучшими винами, и чтобы вознаградишь себя за всѣ прудности лакейской жизни, съ утра до вечера не занимался бы никакою работою. (Въ сіе время входящъ въ компану Ваня, Вася и Гувернеръ Сету.)

Я в л е н і е II.

Г. Мотинъ. Ты, Ваня, что бы сдѣлалъ, если бъ выигралъ Ворошынскъ?

Ваня. Я, пошелъ бы сей часъ въ Гусары, накупилъ бы рысаковъ, иноходцевъ, бѣгуновъ, собакъ, завелъ бы охоту, плясуновъ, пѣсенниковъ, и — всего не вспомню.

Г. Мотинъ. Всякой молодець на свой образецъ! Вопшь наримѣръ, другое дѣло, если бъ выигралъ учепый Г. Сету.

Г. Сету. Тогда бъ я сей часъ возвратился во Францію; ибо получивъ шо, за чѣмъ я приѣхалъ въ Россію, т. е. деньги, мнѣ не для чего было бы долѣ здѣсь ославашься. Я поселился бы въ Парижѣ, въ самомъ Пале-Рояль, и велъ бы философическую жизнь въ бездѣйствіи — до самаго разрушенія брениой моей машины.

Г-жа. Мотина. Но знаете ли вы, что и нашъ юродивый Вася, имѣетъ билетъ на лопсерею? Братъ его Прапорщикъ взялъ съ нимъ по-поламъ и прислалъ конію нумера. Вопшь онъ написанъ у меня на общемъ листѣ, No. 84,582.

Г. Мотинъ. Ну, гдѣ ему выиграть! Это не въ порядкѣ вещей.

Ваня. Пусть только выиграетъ; я ему дамъ!

Г-жа. Мотина. Имѣйте не доспаеися полуумнымъ, а мой попугай гораздо умѣе Васи.

Г-жа. Желанкина. Какъ можно даже говоришь о такомъ недоспойномъ предметѣ!

Г. Мотинъ. Что бы эпопѣ дуракъ сдѣлалъ? онъ не можетъ счеспъ пяти рублей.

Вася. Пошому, что не имѣетъ. Однакожъ, когда моя маменька была жива, шо и меня въ домъ называли умникомъ. При томъ же я слыхалъ не разъ опъ Г. Гувернера, что умъ нужень пому, кто не имѣетъ денегъ, а съ деньгами всякой уметъ.

Г. Мотинъ. Пустяки, братъ, пустяки! Не выдашь тебѣ Ворошынца. Но поидемъ въ садъ; время прекрасное. (Уходящъ всѣ, исключая Васи, Маши и Ивана.)

Я в л е н і е III.

Маша. Ха, ха, ха! и Вася задумалъ о Ворошынцѣ! Ну, съ швоею ли головою помышлять объ эпомъ? Возможно ли, чтобы такому дураку доспалось богашство? Эпо право смѣшно!

Иванъ. Забавно! Чшо послѣ этого говоришь, когда и дурачокъ Вася надѣется выиграть богатство! Нѣшь, любезный, подобное счастье приходишь только къ умнымъ людямъ, и я право здѣсь не послѣдній. (Маша и Иванъ уходятъ, Вася остается одинъ.)

Я в л е н і е IV.

Вася. Правда, что сирота всегда послѣдній въ чужомъ домѣ. Надо мною всякому позволено шупишь, всякому позволено меня дурачить, и шакъ по певоль прослывешь дуракомъ. Ваня одинъ сынъ у родителей, и попому почиается умникомъ, хотя я одинъ изгошворяю за него задаваемые ему уроки. Но надо и мнѣ хоть разъ позабавиться и показати, что и я не дуракъ на выдумки. (Задумывается). Прекрасно! безподобно! (выбѣгасъ пзъ комнаты.)

Я в л е н і е V.

(Всѣ прежніе: Вася, Иванъ и мѣщанинъ являютя послѣ.)

Г. Мотинъ. Сего дня почтовый день, и вѣрно мы получимъ лонсрейныя афиши изъ города.

Г-жа Мотина. Почтмейстеръ обѣщаль прислать съ нарочнымъ.

Иванъ. (Выбѣгасъ опроченью и говоритъ:) Какой-то мѣщанинъ прѣхаль изъ города, и привезъ записку отъ Почтмейстера.

Всѣ вмѣстѣ кричатъ: Пусти, пусти его скорѣе.

Мѣщанинъ. (Входитъ и поклоняся, говоритъ:) Проѣзжая мимо почтоваго двора въ городѣ, я встрѣшилъ у вороца Г. Почтмейстера, который, узнать, что я долженъ ѣхать эпою дорогою, далъ мнѣ къ вамъ записку. (Отдаетъ записку и уходитъ).

Г. Мотинъ. (Взявъ записку) Ахъ! какъ у меня сердце бьется!

Г-жа Мотина. Я вся дрожу.

Г-жа Желанкина. У меня дѣлаются спазмы и вершижъ.

Г. Мотинъ. (Читаешъ записку) „Меня шребуютъ къ Губернатору, мнѣ нѣкогда ни писать, ниже посылашь къ вамъ афиши. Я велѣлъ моему писарю увѣдомить васъ наскоро, что No. 84,582 выигралъ Ворошинець.“ (Всѣ бросаюся къ листу, на которомъ написаны нумера билетовъ всѣхъ домашнихъ, и по нѣкоторомъ молчаніи восклицаюшь вмѣстѣ): Вася, сирота Вася, выигралъ Ворошинець!

Г. Мотинъ. (Бросаетъ въ креслы). Все кончилось! Увы!

Г-жа Мотина. Воды! дайше воды! мнѣ дурно.

Маша. Я не могу съ мѣста двинуться; я сама чуть жива.

Иванъ. И у меня ноги подкосились.

Ваня. Я сброшу Васю съ голубяши!

Сету. Sauve qui peut!

Г-жа Мотина. Иванъ! позови скорѣе Васю; но вопъ онъ и самъ. Обойми меня, другъ мой Васичка, мой умникъ, мое дитяшко; поздравляю себя съ Ворошинецьемъ.

Вася. Полно шушпшь, сударыня! гдѣ мнѣ дураку выиграть!

Г. Мотиль. Обойми меня, любезный мой питомецъ! Поздравляю шебя онъ чистаго сердца!

Г-жа Мотина. Я предчувствовала, что изъ него будетъ прокъ, когда совѣщовала мужу моему взять Васю въ домъ и воспитывать какъ роднаго сына. О! я знала его доброе, благодарное сердце. (Говорить въ спорону:) Какъ жаль, что у меня нѣтъ дочери!

Вася. Какъ вамъ не стыдно шушпшь надъ дурачкомъ!

Сету. Какой вы дуракъ? Вы гораздо умнѣ Вани. Я давно зналъ, что вы для него пригошвляете всѣ уроки, и нарочно молчали, чтобы не оскорбить вашей деликатности. Надѣюсь, что вы не забудете своего наставника.

Иванъ. (Подавая спуль). Извольте садиться, Милостивый Государь Василій Прокофьевичъ! я готовъ служить вамъ.

Маша. Ахъ! негодная прачка, какую она вамъ дала манишку; я сей часъ принесу вамъ другую. Вы знаете, какъ я васъ всегда любила.

Г-жа Желанкина. Я всегда удивлялась красотѣ Василья Прокофьевича, и всегда говорила, что эти прекрасные, черные глаза найдутъ счастье въ свѣтѣ.

Г. Мотиль. Я самъ повезу Васю въ Петербургъ, самъ буду управлять его имѣниемъ, воспиташъ его какъ роднаго сына, отдамъ въ Гвардію, сыщу для него богашую невѣсту

Г-жа Мотина. (Прерывая мужа). Нѣтъ! мы повеземъ его въ Царство; пусть онъ слушешсвуесть, учинся, пусть увидитъ мноспранные Дворы. Я увѣрена, что съ его умомъ, изъ него будетъ опличный дипломатъ.

Ваня. Мы всегда дрались съ шобю, Вася; шеперь дай руку, помиримся.

Вася. (Выступаетъ на средину комнаты и говоритъ:). Три года я въ домѣ слылъ дурачкомъ, юридивымъ, шушомъ; въ одну минушу вы всѣ перемѣнили обо мнѣ мысли, и находите меня умникомъ и красавцемъ. Благодарю васъ за доброе обо мнѣ мнѣіе, и объявляю припомъ, *это я не выигралъ Воротынца*, - по желая опплатить вамъ за всѣ ваши насмѣшки, выдумалъ эшу шушку. Я самъ написалъ записку, и заплашилъ послѣдній мой рубль серебромъ, (данный мнѣ брашомъ при прощаніи), проѣзжему мѣщанину, чтобы онъ принесъ письмо въ домъ, и сказалъ, что присланъ онъ Почшмейстера. Теперь прощайте! Сегодняшняго ушра я опредѣлился въ кварширующій здѣсь полкъ юнкеромъ, и сей часъ иду къ моему Капштану. Благодарю за хлѣбъ за соль! (Уходитъ.)

Г-ня и Г-жа Мотины. Ахъ! негодяй, дуракъ! держите его, розогъ!

Всѣ. Держите его, розогъ!

Ваня. Я говорилъ, что его должно сбросить съ голубащци. (Бѣжитъ изъ комнаты).
Занавѣсъ опускается.

III.

К Р И Т И К А.

Письмо отъ читателя Отечественныхъ Записокъ, къ Издателю Сѣвернаго Архива.

Скажите мнѣ, для какой цѣли издающія историческія книги и Журналы? Если для пользы и удовольствія однихъ только Издашелей — то я буду молчать; если жъ для пользы и удовольствія читашелей (какъ обыкновенно говорится въ программахъ), то, мнѣ кажется, что всякой благомыслящій чловѣкъ не осудитъ меня, если я представлю на судъ публики мои замѣчанія.

Пріѣхавъ въ Петербургъ изъ деревни, прошлою осенью, я хотѣлъ видѣть освѣщеніе газомъ Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, описанное въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1821 года, въ 5 часши въ спашь: *Санктпетербургскія Современныя Лѣтописи*, на стран. 378—386. Пришедши въ прелестную залу, вмѣщающую въ себѣ библіотеку, я любовался великолѣпною люспрою, и желая испытать, можно ли читать безъ свѣчь, при одномъ свѣщѣ люспры, сѣлъ въ углу, и, вынувъ изъ кармана *Отечественныя Записки*, началъ повѣрять описаніе. На стран. 379 читаю слѣдующее: „Имѣя случай видѣть въ Англіи многія зданія и заведенія освѣщенныя газомъ, мы смѣло можемъ сказать, что не находили тамъ ничего подобнаго сей прекрасной люспрѣ. Она представляется здѣсь, въ пространствѣ вмѣющемъ около 100 аршинъ вышины (!) отъ полу до купола.“ Далѣе, на стран. 380, сказано: „люспра сія содержитъ (гдѣ?) 336 трубочекъ, изъ коихъ каждая даетъ по три свѣща, такъ, что все вмѣстѣ соспавляетъ 1008 свѣповъ!“ Я ослобенѣлъ отъ удивленія! Какъ, высочайшая пирамида (*) въ Египтѣ (находящаяся близъ стараго Каира) едва имѣетъ 205 аршинъ, а зала, успроенная во впоромъ эшажъ, имѣетъ 100 аршинъ, то есть около половины большой пирамиды!! Я подошелъ къ одному изъ Гг. Офицеровъ, служащихъ въ Главномъ Штабѣ, и изъявивъ ему мое изумленіе, спросилъ: сколько аршинъ въ вышину имѣетъ зала библіотеки? „*Двадцать семь*,“ отвѣчалъ онъ. А сколько свѣповъ въ люспрѣ? „*Триста тридцать шесть*,“ сказалъ Г. Офицеръ. Тогда я показалъ ему *Отечественныя Записки*, и просилъ исполкованія сей гиперболы. Офицеръ улыбнулся. „Это васъ удивляетъ,“ сказалъ онъ, что наша зала во впоромъ эшажъ имѣетъ 100 аршинъ (п. е. $33\frac{1}{2}$ саж.) въ вышину, когда вышина всего дома отъ основанія до кровли едва ли имѣетъ пятнадцатъ сажень? Вспомните, что И. А. Крыловъ сказалъ въ своей Баснѣ:

„Вашъ въ Римѣ, на примѣръ, я видѣлъ огурецъ;

Ахъ, мой Творецъ!

И по сію не вспомнюсь пору;

Повѣришь ли? ну право онъ былъ съ гору.

(*) Хеопсъ, высочайшая пирамида въ Египтѣ, имѣетъ въ вышину 480 фушовъ или около 205 аршинъ.

Посмѣявшись до-сыта съ Г. Офицеромъ, я возвратился домой, и съ тѣхъ поръ занялся прилежнымъ разсмотрѣніемъ *Отгественныхъ Записокъ*. Если вы позволите, Г. Издашель *Сѣвернаго Архива*, то я буду присылать къ вамъ мои замѣчанія. По доброй совѣсти, вы должны печатать оныя; ибо скажите сами, въ какое заблужденіе входятъ простидушныя читатели иногородные, при чтеніи подобныхъ спашей, и что подумаютъ объ насъ иностранцы, кошорые нынѣ переводятъ много изъ Рускихъ Журналовъ, если на нашихъ глазахъ, въ Пешербургѣ, намъ сообщаютъ подобныя извѣстія? Послѣ сего можно ли вѣрись, слушая рассказы о Ніагарскомъ водопадѣ въ Америкѣ, о *цѣльяхъ рудникахъ магнезіи* (!) и проч.

Архипъ Гадеевъ.

IV.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ СѢВЕРНАГО АРХИВА О КЯХТѢ.

Я человекъ не ученый, однако жъ знаю, что Кяхта есть пограничный Россійскій городъ на Китайской границѣ, лежащій при рѣкѣ Кяхтѣ, гдѣ производился сухопутная торговля караванами, между Россією и Китаемъ. Представьте себѣ мое удивленіе, когда я прочиталъ въ Рускомъ Инвалидѣ (№. 139. 14 Юня 1823 года, спран. 555), извѣстія изъ Кяхты отъ 1-го Ноября, въ кошорыхъ увѣдомляютъ между прочимъ, что 14 Юня прибыло изъ Сяпки судно Рос. Амер. Компаніи, ~~именуемое *Константиномъ* 13 Августа прибыло изъ Россіи шлюпъ *Аполлонъ*~~, и что Офицеры и служители сего шлюпа совершили въ здѣшней церкви по Христіанскому обряду, (*) поминованіе достойному своему начальнику, (Капит. 1 ранга И. С. Тулубьеву). Сентября 18 прибылъ изъ Охотска транспортъ *Елисавета*; Октября 7, изъ Охотска же шхуна *Николай*, а Октября 17, транспортъ *Михаиль*. Далѣе мы читаемъ: что привезенные изъ Охотска (!) товары, продавались *здѣсь*, (все это извѣщается изъ Кяхты отъ 1-го Ноября 1822), по слѣдующимъ цѣнамъ и проч. Прочитавъ со вниманіемъ нѣсколько разъ статью, я не могу догадаться, поспроси ли новый городъ въ Камчаткѣ, или въ другомъ какомъ мѣстѣ при морѣ, подъ названіемъ Кяхта, или какіе-нибудь физическіе перевороты, какъ-то: землетрясеніе или пощощъ, придвинули старую Кяхту къ берегамъ моря? Вы, Милосливый Государь, издавая историческій и статистическій Журналь, можете быть, лучше знаете, что произошло въ сей отдаленной странѣ, и такъ прошу васъ, увѣдомишь о семъ вашихъ читателей, потому что обязанность Журналиста есть просвѣщать публику, а не вводить оную въ заблужденіе или недоумѣніе.

А. М.

(*) Спрашивается: по какому же другому обряду Рускіе Офицеры и служители могутъ совершать поминованіе?

От в ѣ т ѣ .

Прочитавъ вышеупомянутую спашью въ Р. И., я нахожу, что происшествія, случившіяся въ Петропавловскѣ, Охотскѣ и Камчаткѣ, означены особенно, и напечатаны въ другую спроку, а потому и не знаю, существуетъ ли *новой городъ* Кяхта въ Камчаткѣ, или *старая* Кяхта сдѣлалась, опъ какого-нибудь чуда, приморскимъ порпомъ? Я весьма беспокоюсь, что сдѣлалось съ бѣднымъ Кипаемъ!

Издан. Сьверн. Архива.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

V.

СИЛА ИМЕНИ БОЖІЯ.

„Обышедше обыдоша мя, и именемъ Господнимъ прошивляхся имъ!“

Изъ Псалма 117-го.

Лѣса надъ безднами дремали
И ночь превожиль бури шумъ,
И скимпы гладные рыкали
Онъ полонъ былъ высокихъ думъ,
Сей паспырь, призванный опъ спада,
Хранимый Господомъ Давидъ!
Скалы — послѣдняя ограда,
И другъ ему — пустынный видъ
Чьи копыа зыблются какъ класы,
При дальнемъ заревѣ огней:
Шумлящъ по звонкимъ безднамъ гласы
И кликъ и топоты копей
Саулъ — какъ призракъ ночи черной
Спѣсіяешь юношу кругомъ,
И съ первымъ упреннымъ лучемъ
Нахлынешь врагъ, какъ шокъ нагорный

Увы! погибъ Есеевъ сыць!
Но онъ, бѣдамъ непокоренный,
Душой и Вѣрой исполнивъ,
Воспоргомъ пайнымъ упоенный,
Съ спрунами голосъ согласивъ,
Поеть свой гимнь высокій, спройный,
Какъ будто паспырь въ часъ спокойный,
Вблизи родныхъ, цвѣтущихъ нивъ:
Не бойтешъ, други! ярой меспи,
Не унижайтешъ предъ судьбой;
За дѣло правды мы и чеспицъ
И за отчизну держимъ бой
Я бѣднымъ паспыремъ родился
И смирию пасъ мой спада;
Но вдругъ мнѣ рядъ вѣковъ ошкрылся
И подвигъ славы и шруда

И я волненье лѣшь кипящихъ
Молишвой крошкой одолѣть,
И паче всѣхъ меня учащихъ
Судьбы время уразумѣть . . .
Я зрѣлъ природу безъ покрова,
Вселенну духомъ обшекалъ
И Бога имени Свяшова
Я шайну спрашную позналъ!
Возспали, движущся народы,
Идуць искашь моей души,
Искашь Израила свободы
Зачѣмъ въ полуночной тиши,
Мои лукавые злодѣи,
По камнямъ крадешесь какъ змѣи?
Текуть какъ волны на оплошь!
Какъ пчелы на душистый сотъ!
Какъ до сухина лѣса и жары!
Готовысье, храбрые друзья!

Безспрашье въ встрѣшишь ихъ удары,
Мужайшесь, — БОГА призвавъ я“
И только имя онъ святое
Успами чистыми изрекъ,
Вдругъ шумъ, какъ сна кипящихъ рѣкъ,
Пошекъ на полчище густое,
Какъ бурный вихрь на темный лѣсъ:
Лешать и кони и возницы!
На пѣшихъ рвущая колесницы!
Дробятся прупы межъ колесъ!
Ряды сшибаются съ рядами,
Копье обь мечъ и щипъ съ щипомъ;
Бѣгутъ и спелюшя грядями:
Все вопль и крикъ и спонъ и громъ
Такъ гибнешъ *Сила и Свирьлость!*
И хвалить Бога своего
Давидъ, познавшій власть и крѣпость
Свяшова и славу его

Ведоргъ Рижскя

VI.

НА ВЫПУСКЪ ПТИЧКИ.

Въ чужбинѣ свяшо наблюдаю
Родной обьчай спаряны;
На волю пшчку отпуспаю,
На свѣшломъ праздникѣ весны.

Я спѣлъ досщупень уцѣшнюю:
Зачѣмъ на Бога мнѣ роппашъ,
Когда, хошь одному шворенью,
-Я могъ свободу даровать! (*)

А. П.

(*) Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ чьеловѣчества, которые употребляютъ свои досщашки на выкупъ и въ шорьмы невзвинныхъ должниковъ, и проч. — *Издан.*

ПЕЧАТАТЬ П О З В О Л Я Е Т С Я :

Санктшпетербургъ, 29-го Юля 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

№. III.

СОДЕРЖАНІЕ. *Проза*: I-е, Письма о Петербургѣ. Прогулка за городъ. (Окончаніе). — II-е, Какъ жаль, что я не богачъ, и хорошо, что я небогачъ. III-е, Извозчикъ-Метафизикъ. — IV-е, Пекрологія: Кончина Василія Алексѣевича Плавильщикова. *Стихотворенія*. V-е, Видѣніе, Ода на день Тезоименнства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, 30-го Августа 1823 года.

П Р О З А.

I.

ПИСЬМА О ПЕТЕРБУРГѢ.

Прогулка за городъ.

(Окончаніе.)

Деревянный мостъ, соединяющій Каменный островъ съ Аптекарскимъ, построенный Генераломъ Бешанкуромъ, по справедливости почитается совершенствомъ въ своемъ родѣ. Сваи, поддерживающія всю тяжесть строенія, бревна, поддерживающія своды, соединены между собою съ такимъ искусствомъ, съ такою легкостью, что мостъ сей имѣетъ видъ діахимы, филаграмовой работы, сдѣланной какъ памятникъ искусства болѣе для украшенія Невы, нежели для настоящаго употребленія. Вечеромъ, когда свѣтъ фонарей отражается въ прозрачной водѣ, кажется, будто мостъ сей утверждёнъ на золотыхъ столпахъ. Провѣхавъ сей памятникъ оцѣдчанаго вкуса нашего времени, я услышалъ звуки роговой музыки, раздававшейся на дачѣ Д. Л. Нарышкина. Сей необыкновенный родъ музыки, удивляющій всѣхъ иностранцевъ, существуетъ единственно въ Россіи, и есть такъ сказать собственность фамиліи Нарышкиныхъ; онъ изобрѣшенъ въ 1751 году Оберъ-Егермейстеромъ Семеномъ Кирилловичемъ Нарышкинымъ (*), и съ тѣхъ поръ непрерывно существуетъ въ сей фамиліи. Въ первый разъ играли публично на рогахъ въ 1753 году, въ присутствіи Императрицы Елисаветы, всего Высочайшаго Двора и множества знашыхъ особъ. Сія музыка снѣмъ поправилась при первомъ опытѣ, что съ тѣхъ поръ заведена при Дворѣ и у многихъ

(*) Придворный музыкантъ Марешъ участвовалъ въ семъ изобрѣшеніи.

частныхъ лицъ. Въ Москвѣ въ первый разъ слышали оную въ 1763 году, во время пребыванія въ сей столицѣ Императрицы Екатерины II.

Крешовскій островъ, прежде поспроснїя Пешербурга, назывался Рессель (Ressel), и не смотря на низкое свое мѣстоположеніе, былъ обитаемъ нѣсколькими Финскими семействами. Императоръ Петръ Великій подарилъ оный сеспръ своей Напаль Алексѣевнѣ, которая имѣла на семъ острову дворець (*) для лѣтняго своего пребыванія. Императрица Елисавета Петровна подарила Крешовскій островъ Графу Разумовскому, котораго наследники продали оный въ 1803 году Князю Бѣлосельскому-Бѣлозерскому за 120,000 рублей. Нынѣ сей островъ составляетъ публичное гульбище для жителей Пешербурга всѣхъ званій и всѣхъ сослояній. Здѣсь усироены пракиры, лѣшнія горы, качели и проч. Всякое Воскресенье здѣсь играеть роговая и духовая музыка, и рѣка покрывается множествомъ лодокъ, занимающихся перевозомъ гуляющихъ. Кто хочетъ видѣть новыя моды и людей шакъ называемаго большаго свѣша, то пусть оспается на берегу Малой Невки напротивъ Пешербургской споровы, гдѣ прохаживающя въ безмолвіи, медленными шагами особы высшаго сословія, или шѣ, которые хотяшъ казаться шакowymi. Я люблю гуляшь въ лѣсу (**) и въ рощахъ на прошивъ Елагина острова: тамъ встрѣчаю полны прудолубивыхъ людей, купцевъ, ремесленниковъ и проч., которые съ праздничными лицами въ праздничныхъ кафшанахъ наслаждающя днемъ ошдохновения. Подъ вѣспвистыми деревьями на берегу рѣки, повсюду разсыяны шолпы народа; самовары кипяшъ и хлопошъ пхъ заглушается веселыми пѣснями. Для образованнаго челошва самое прїятное зрѣлище, ошъ веселіе простаго народа: я не имѣю нужды изьяснять причины.

Елагинъ островъ, по старинному названію Мишинъ, принадлежалъ сначала двумъ весьма знаменнымъ мужамъ въ Исторіи Петра Великаго, сперва Барону Шафирову, а послѣ Графу Ягужинскому. Князь Потемкинъ-Таврическій купилъ оный у Сенатора Мельгунова и подарилъ прїателю своему Ивану Перфильевичу Елагину, который въ свое время занималъ важныя мѣста при Дворѣ, въ свѣшѣ и въ Литературѣ (***). Онъ былъ Оберъ-Гофмейстеръ Императорскаго Двора, Главный Директоръ придворной музыки и Театра, и пошому ему не трудно было соединить въ своемъ домѣ оплично общество и лучшихъ виртуозовъ. Кто не знаетъ книги подъ заглавіемъ: Приключенія Маркиза Г., о которой И. А. Крыловъ упоминаетъ въ своей Комедіи: Урокъ дочкамъ; и кто нынѣ повѣришь, что

(*) У взморья, что нынѣ каменшый домъ Княгини Бѣлосельской.

(**) На Крешовскомъ острову находится также деревня, въ которой живутъ лѣтошъ многія Пешербургскія семейства.

(***) Въ краткомъ описаніи Исторіи Россійской Литературы, соч. Н. И. Греча, на стр. 225 помѣщена Біографія И. П. Елагина. Онъ родился въ 1728 году, скончался въ 1796.

эша книга, шеперь забавляющая только лакеевъ и лавочниковъ, почивалась образцемъ слога въ 1776 году! Столь невѣроятные успѣхи сдѣлала Руская Липература въ продолженіе сорока семи лѣтъ! Иванъ Перфильевичъ, былъ Членомъ многихъ Ученыхъ Обществъ, занимался Науками, и весьма любилъ Ученыхъ и Липераторовъ, съ которыми жилъ въ дружескихъ связяхъ; домъ его былъ храмъ роскоши и гостепріимства:туда стекались его знакомые почти всякой прадникъ, и публика, погулявъ въ Спрогоновомъ саду, часто привлекаема была на Елагинъ островъ громомъ пушекъ, звуками музыки и фейерверками. Весь островъ устроенъ былъ въ видѣ обширнаго парка, пересѣкаемаго множествомъ дорогъ и алей. Здѣсь находился храмъ въ Греческомъ вкусѣ съ мраморнымъ изображеніемъ Императрицы Екатерины II монументъ Графу Н. И. Панину, зимній садъ, оранжереи, однимъ словомъ, все принадлежности богатства, соединеннаго съ разборчивымъ вкусомъ и образованностію.

По смерти И. П. Елагина островъ сей достался Г. Бупурлину, и переходя изъ рукъ въ руки, пришелъ въ упадокъ. Преній блескъ онаго оставался только въ преданіи, пока онъ не поступилъ къ Графу Григорію Владиміровичу Орлову, который занялся поправкою сада, возстановленіемъ оранжерей и проч. Наконецъ сей островъ, за сумму 280,000 руб., пріобрѣтенъ для Кабинета ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и въ нѣсколько лѣтъ, какъ будто волшебною силою, превращенъ въ очаровательный замокъ, гдѣ Искусство и Природа соединили свои силы, чтобы подъ видомъ простоты представить все свое богатство. Старый домъ превращенъ дарованіемъ Архитектора Росси (*) въ храмъ вкуса и великолѣпія; запущенныя роцы и лѣсъ принимаютъ прежній свой видъ подъ руководствомъ Г. Буша; оранжереи устроены гораздо лучшимъ образомъ и обогащены новыми произрастеніями всякаго рода, а передъ дворцемъ разведенъ цвѣтникъ, который невольно припоминаетъ описаніе земнаго рая въ Мильтоновой Поэмѣ.

Наконецъ ударило 9 часовъ, и я вознамѣрился возвратиться въ городъ. На берегу Елагина острова я встрѣтилъ Англичанина, который довольно чистымъ Рускимъ языкомъ просилъ меня подвезти его къ Исакиевскому мосту, потому что онъ отпустилъ свой экипажъ, и пробывъ сверхъ положеннаго пмъ времени на Крестовскомъ острову, находился въ затрудненіи на счетъ обратнаго путешествія. Я съ радостію согласился на его предложеніе, и на лодкѣ познакомился съ нимъ покороче. Читатель узнаешь въ слѣдующихъ нумерахъ сихъ листковъ

(**) П. П. Свиньинъ, въ XI части Отечественныхъ Записокъ на стр. 132 и 137, описывал подробно дворецъ и садъ на Елагиномъ острову, исчисляя всѣхъ Художниковъ, которые отдѣлывали дворецъ, позабылъ назвать Архитектора.

исторію его жизни; онъ первый внушилъ мнѣ мысль издавать сіи листки, и пошому я долгомъ себѣ поставлю объявить публнкѣ наши бесѣды, которыя какъ, я полагаю, заключають въ себѣ довольно занимательные предметы въ отношеніи къ Рускимъ нравамъ, Литературѣ и проч.

II.

КАКЪ ЖАЛЬ, ЧТО Я НЕ БОГАТЪ,

и

ХОРОШО, ЧТО Я НЕ БОГАТЪ.

(Посвящено О. Н. Глинкѣ.)

Мнѣ надобно было навѣстить больнаго моего друга, жившаго на дачѣ за городомъ. Жаръ былъ несносный, но я съ философическою твердосію шелъ пѣшкомъ, пошому чшо финансы мои не всегда позволяютъ мнѣ развѣзаться въ экипажѣ. Поворачивая въ одну немощеную улицу на Пешербургской сторонѣ, я чуть-было не попалъ подъ коляску, которая какъ вихрь промчалась мимо меня. Засыпанный пескомъ, глосая пыль и проширая глаза, я горесшно проворчалъ: *какъ жаль, что я не богатъ!*

Съ какою радосію встрѣпилъ меня другъ мой, подумалъ я: мы цѣлую недѣлю съ нимъ не видалсь; сколько мыслей и чувствованій мы должны сообщить одинъ другому! Наши души имѣють нужду слиться вмѣстѣ, раздѣлить между собою излишнюю тягосшь и наслажденіе. При сей мысли я почувствовалъ неизьяснимое удовольствіе, и удвоилъ шаги мои. Подозрѣніе, недоверчивосшь чужды моего сердца. Никшо не имѣеть выгоды въ пошь, чшобы меня обманывать; у меня нѣтъ золота, и меня нельзя употребить какъ машину къ своему возвышенію. Зачѣмъ передо мной надѣвать маску? — Великой безвредно можешь избѣгать моего знаячества и даже мнѣ не кланяться. Но за шо, кто меня ласкаетъ, привѣтствуетъ и принимаетъ въ своемъ домѣ, пошь дѣлаетъ это для меня, а не для моего кафшана! Я улыбнулся и весело воскликнулъ: *хорошо, что я не богатъ!*

Въ сіе время промчался мимо меня модный кабріолетъ, запряженный двумя Англійскими лошадьми, которыми управлялъ мушкетеръ пожилыхъ лѣтъ; прелестная женщина, въ Турецкой шали и въ Испальянской соломенной шляпкѣ съ перьями, сидѣла съ нимъ рядомъ, по сторонамъ скакали верхомъ нѣсколько молодыхъ людей, и одинъ предъ другимъ спарались уловить взглядъ прекрасной дамы. Какъ бы я былъ счастливъ, поду-

мать я, если бы могъ моей доброй жени, хорошей хозяйкѣ, пѣжной мастери, подарить въ день именинъ, такую шаль и такую красивую шляпку. Какъ бы это ей было къ лицу, — а къ тому жь, она право стоитъ болѣе, нежели сіи бездѣлки. Она почти не знаетъ окрестностей Петербурга, и мнѣ бы очень пріятно было самому повозить ее въ такомъ щегольскомъ фашонѣ, по прекраснымъ дачамъ и садамъ. Я невольно наморщился и сказалъ: *какъ жаль, что я не богатъ!*

Но могу ли я быть увѣренъ, что жена моя при богатствѣ имѣла бы время заниматься воспитаніемъ нашихъ дѣтей и домашнимъ хозяйствомъ? Она была бы признана принимающа гостей, занимая многочисленное общество, дѣлала посѣщенія, поддерживая фамиліи и политическія связи. Молодые щеголи вертѣлись бы кругомъ ея какъ бабочки, а я не очень люблю молодыхъ щеголей. Мнѣ бы нѣкогда было проводить время съ моею женою въ пріятныхъ разговорахъ, въ чтеніи отличныхъ книгъ; насъ бы всегда раздѣляла толпа *человѣчковъ*, которые привлекаются блескомъ золота, какъ мошки лучами солнечными. Кто мнѣ поручится, что вверженный колесомъ фортуны въ кипящую пучину большого свѣта, я былъ бы въ состояніи сохранить мои привычки, мой образъ жизни, мой веселый нравъ, которые составляютъ мое семейственное счастье? Я содрогнулся при сей мысли, и сказалъ: *хорошо, что я не богатъ!*

Въ шеперешнемъ состояніи я не могу благодѣтельствовать, а съ деньгами можно сдѣлать такъ много добраго! Я знаю ремесленника, котораго болѣзнь довела до совершенной нищеты. Жена его продала послѣднія орудія и запасной матеріалъ, чтобы пропитать малютокъ и содержать больного. Нѣсколько золота избавило бы его отъ опчаянія, а можетъ быть и отъ преступленія. Я знаю почтенную вдову, которая трудами рукъ своихъ насилу можетъ прокормить двухъ дочерей, едва вышедшихъ изъ младенчества. О Боже! что будетъ съ ними, когда не спанеть мастери! Нищета столь ужасна, порокъ столь ухищрѣтъ! Ахъ! сколько есть случаевъ въ жизни, гдѣ самая малая сумма денегъ, суцая бездѣлица, можетъ спасти челоуѣка отъ вѣчной гибели! Слезы покапались у меня градомъ, и я со вздохомъ сказалъ: *какъ жаль, что я не богатъ!*

Но въ изобиліи и роскоши, челоуѣкъ весьма рѣдко ощущаетъ наслажденіе дѣлать добро. Чувства прищупляются отъ безпрестанныхъ удовольствій, и душа, такъ сказать, спитъ подъ бременемъ различныхъ спрасней, угнетающихъ оную. Я знаю людей, имѣющихъ двѣсти тысячъ дохода, которые жалуется на недостатокъ въ деньгахъ и на скуку въ жизни. Не отъ того ли сіе происходитъ, что издержки измѣряются всегда желаніями, а желанія возможностью удовлетворенія оныхъ? Челоуѣкъ роскошный и праздный ищетъ славы и удовольствія въ шомъ, чтобы въ нѣсколько часовъ истребить то, что составило бы благосостояніе многихъ семействъ; онъ золотомъ покупаетъ похвалы безумныхъ и презрѣніе истинныхъ друзей

человѣчества. Если бы онъ чувствовалъ, какое блаженство доставляешь нѣжному сердцу благотвореніе; если бы зналъ, какъ приятно доставить пищу голодному, одежду нагому, лекарство больному, приютъ сирому! Ахъ! я не променяю одной слезы благодарности на всѣ жемлуги Воспока! — Одинъ взглядъ, одно пожатіе руки несчастнаго сладости для моего сердца, нежели всѣ похвалы шумной толпы, вьющейся какъ плуць кругомъ богачаго. Это райское наслажденіе я имѣлъ за нѣсколько рублей, тогда, какъ тысячи лопающъ съ потѣшными огнями въ воздухъ! Нѣсколько словъ, сказанныхъ въ утѣшеніе или для совѣща, облегчали спрдавіе моего ближняго, тогда какъ тысячи звонкихъ словъ произносясь по пустому и безъ всякой пользы въ такъ называемомъ большомъ свѣтѣ. — Я пришелъ въ себя при семъ разсужденіи, и измѣривъ умственно всю обширность наслажденій средняго сословія, свободнаго отъ паяжкихъ цѣпей приличія и честолюбія, съ веселымъ лицомъ сказалъ: *хорошо, что я не богатъ!*

Разсуждая такимъ образомъ самъ съ собою, я пришелъ къ моему другу, и въ изліяніи сердечныхъ чувствованій сообщилъ ему мои мысли. Мы долго съ нимъ говорили о семъ предметѣ и наконецъ согласились: что богатство *не есть зло*, но также не составляетъ *счастья*. Счастіе зависитъ отъ свойствъ душевныхъ, отъ чувствованій и отъ образа мыслей: оно измѣряется минушами наслажденія и радости. Тотъ несчастенъ, кто часто думаетъ: *какъ жаль, что я не богатъ*; счастливъ тотъ, который часто повторяетъ: *хорошо, что я не богатъ!*

В. В.

III.

ИЗВОЩИКЪ - МЕТАФИЗИКЪ.

Ridentem dicere verum,

Quid vetat? — *Horatius.*

Одинъ Лапшинскій Поэтъ сказалъ: Pictoribus et Poëtis omnia licent, т. е. Живописцамъ и Поэтамъ все позволяется. Видно, что въ Римѣ въ то время не было Журналистовъ, ибо нынѣ, на липературномъ поприщѣ никто столько себя не позволяетъ, какъ Журналисты. Посмотрите, съ какою рѣшительностію они осуждаютъ произведенія Наукъ, Словесности, Изыщныхъ Искусствъ, какъ поржесшвенно назначаютъ степени на Парнассѣ, и какъ рѣшительно опредѣляютъ достоинства разнаго званія людей. Если кто хочетъ попасть въ великіе мужи, спойте только подружиться съ Журналистомъ, который шопчасъ пожалуетъ въ геніи. Правда, что строгое попомство не всегда соглашается съ сими приговорами; но развѣ Журналисты пишутъ для попомства? Что можете дать попомство? — Славу. Жуковскій

сказалъ: *слава, насъ уѣли, дыль*. Напрошивъ того; кто пойдетъ для *современниковъ*, пошь прудчаешъ *современныя, оццутительныя* выгоды. Опъ умершихъ героевъ нѣчего надѣяться, а возвелчешные современники умножашъ число подписчиковъ. Не только они сами, ихъ друзья и родственники купашъ книжку, но даже и чуждыя лица, по расчешамъ самолюбія, полагаю себя имъ равными или даже выше прославляемыхъ богатырей, подпишутся на Журналъ, въ надеждѣ увидѣть со временемъ имена свои напечатанными. Пусть спрое суды кричашъ, пишущъ кришки, споряшъ. Разчешливый Журналистъ молчитъ, или, какъ сказалъ И. А. Крыловъ въ своей баснѣ: „а Васька слушаетъ да ѣшь.“

Какъ жаль, что я недаренъ опъ Природы микроскопнымъ взоромъ, съ которыми нѣкоторые Писатели столь искусно отыскиваюшъ *необыкновенное въ обыкновенномъ, великое въ маломъ*. Я бы также; усстремилъ на поприще отккрытій и изысканій въ физическомъ и моральномъ мѣрѣ; отыскивалъ бы теневы, и описывалъ бы чудеса искусства на всякой улицѣ. Но пока найдется къ сему удобный случай, я примусъ за другое средство, чтобы льстить самолюбю современниковъ. Опишишь, не пропущу ни одного гулянья за городомъ и подъ качелями, спану на распушь, запишу имена всѣхъ власпителей экипажей, и напечаташоу оныя съ громкими похвалями ихъ вкусу и разборчивости. Наконецъ буду описывашъ *Петербургскія забавы высшаго звѣил общества*, балы, маскарады, завтраки, обѣды и ужины, особенно тѣ; на которыя меня позовутъ, или на коихъ я буду присутствовать хошя незванный. Спану прославляшъ художниковъ и ремесленниковъ, которые снабдешъ меня *существеннымъ* доказательствомъ ихъ искусства и трудолюбія, и пріятелей; которые захошашъ споспѣшествовать продажѣ моего Журнала. Такимъ образомъ промышленяюшъ Издатели *des petites affiches de Paris*, (малыхъ Парижскихъ афишъ), но только подъ скромнымъ названіемъ. Я, напрошивъ того, назову мои афиши *Современными Лѣтописями*, придамъ моимъ извѣстіямъ историческую важность, и увѣренъ, что эша спекуляція мнѣ удался.

Разсуждая такимъ образомъ, я сълъ на дрожки и велѣлъ извозчику взши себя за городъ. При семъ я должешъ увѣдомить моихъ чинашелей, что я весьма люблю разговаривашъ съ извозчиками, перевощиками, каменщиками и ш. п., по тому, что опъ нихъ иногда можно получить такія сшашпстическія извѣстія о Россіи, какихъ не найдешъ ни въ какой печашной книгѣ. Я началъ съ моимъ извозчикомъ разговоръ вопросомъ: давно ли ты въ извозѣ? — 35 лѣтъ, отвѣчалъ онъ. Много ли тебѣ лѣтъ опъ роду? — 60 сказалъ извозчикъ. — У тебя безъ сомнѣнія много знакомыхъ въ городѣ? — Несмѣтное число; въ 35 лѣтъ много господъ переѣздило со мною, и я знаю многихъ, которые начали ходишъ лѣшкомъ, послѣ съли на дрожки, а теперь разгуливаюшъ четвернею. — Ты мнѣ кажешся человекомъ смышленнымъ, сказалъ я, и вѣрно дѣлаешъ свои замѣчашія на счетъ нравовъ и образа жизни ивоихъ сѣдоковъ. — Конечно, сударь, въ людяхъ чинаешъ

какъ по писанному, и я въ 35 лѣтъ шакъ наметался, что по первой ухваткѣ и приему моего сѣдока, почти всегда угадываю, какого онъ нрава, обычая и породы. — Отгадай, напримѣръ, кто я? спросилъ я моего извозчика. — Вы, сударь, или сочинитель или человекъ имѣющій шяжку. — Почему ты узналъ? — Во первыхъ потому, что у васъ много бумагъ за пазухой; во вторыхъ, что вы ласковы и разговорчивы, а въ третьихъ, что вы, прогуливаясь за городомъ, не заѣзжаете ни въ одинъ шракширъ, какъ бывало въ старые годы. — Но развѣ всѣ сочинители разговорчивы? — Почти всѣ; повѣришь ли, что одинъ изъ нихъ, проходя вчера вечеромъ мимо нашей биржи, и увидя, что я лежу на дрожкахъ и смотрю на чистое звѣздное небо, непремѣнно хотѣлъ сдѣлать меня *звѣздогетомъ*. — Но скажи мнѣ пожалуй, какимъ ты образомъ узнаешь другихъ людей? — Извольте, сударь! Это зависитъ отъ поры, отъ времени, и, какъ я прежде сказалъ, отъ приема сѣдоковъ. Напримѣръ съ ушра, часовъ съ шеспи, развѣзжаютъ просители по шяжбнымъ дѣламъ и масперовые, которые посѣщаютъ своихъ должниковъ. Съ этими господами болѣе бѣды, нежели барышей, ибо они всѣ полученные ими неудовольствія сливаютъ на извозчиковъ. Часовъ въ 9, офицеры ѣдутъ къ разводу, а чиновники къ должности. Первые никогда не шоргуются; только повзжай скоро, и покрикивай молодецки; когда ешь деньги, то сыплютъ полными руками, а нѣтъ, послѣ вдвое заплачуть; вторые, ш: е: чиновники, бывають щедры или скупы, смотря по мѣсту и обстоятельству. Около одиннадцати часовъ начинаютъ ѣздить иностранные учителя, разные заморскіе фигляры и модныя шорговки съ ящиками. Отъ нихъ плохая нажива, ибо они сами не за чѣмъ другимъ прѣехали къ намъ, какъ за деньгами. Въ два часа купцы ѣдутъ на биржу, и шуть легко можно догадаться, какой изъ нихъ наживается, а какой проживается. Кто богатѣетъ, шотъ скупѣетъ; а кто упадаетъ, шотъ, особенно при людяхъ, бросаетъ деньги горстью. Въ три часа начинаютъ развѣжаться изъ присудственныхъ мѣстъ. Тутъ, по веселымъ или печальнымъ лицамъ чиновниковъ и просителей, и по шоргамъ, сей часъ можно узнать, кто успѣлъ, и кто не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ. Въ 4 часа время обѣда. Въ эту пору, по нарядамъ и по домамъ, въ которые господа собираются, я догадываюсь, кто званый, кто незваный, кого угощаютъ, кто самъ подбиваетъ и кто ищетъ обѣда. Въ 6 часовъ собираются въ театръ, и я не разъ видѣлъ, какъ прасется на дрожкахъ бѣдный сочинитель, и какъ шяжку воздыхаетъ, если его пѣсу играютъ въ театръ. Послѣ театра, по мѣсту, куда нанимають извозчика, въ пошечкахъ узнаешь человека. Въ это время ѣздитъ болѣе каршежные игроки, купеческіе дѣти, которые, безъ вѣдома родителей, гуляютъ на шеть будущаго; молодые господа, прѣхавшіе для опредѣненія себя въ службу, и разнаго званія весельчаки. За полночь или передъ свѣтомъ, извозникамъ самая большая нажива; ибо тогда возвращаются господа съ игры и съ пирушекъ. Въ эту минушу не шоргуются и часто красная или бѣлая бумага

перепадетъ къ намъ за неимѣнемъ сдачи. Вошь, сударь, обыкновенный день извозника, не считая праздниковъ, гуляшій за городомъ и проч. Но пересказывать вамъ было бы и долго и невозможно, потому что, какъ говоритъ пословица, не все въ пѣсни говорится. — Но чтожь вы ничего не сказали о сочинителяхъ? спросилъ я извозника. — Они, сударь, всего чаще ходяшъ пѣшкомъ, и болѣе порованы на слова нежели на деньги, исключая однакожь господъ Журналистовъ въ началѣ года. А если хошите знать, что для насъ самое большое зло, это прощуары и сквозные двory.

Разговаривая съ извозникомъ, я между пѣмъ прѣхалъ обратно въ городъ, и велѣлъ ему остано- виться у его биржи. Въ сіе время счастливая мысль родилась въ головѣ моей. Вошь природный гений, подумалъ я, вошь человекъ, который въ проспомъ званіи извозника, дѣлаешъ психологическія наблюденія надъ нравственною природою человека. Надобно про- славить его, дать ему какое-нибудь пышное прилагательное, и помѣстить въ *Современный Летописи*. Но какое дать ему названіе? *Современный феноменъ, извозникъ-астрономъ, извозникъ изобрѣтатель, гудный извозникъ?* — Все это уже сказано прежде меня, и шакъ пусть же мой извозникъ будетъ *Извозникъ-Метафизикъ!*

„Какъ, закричаешъ въ одинъ голосъ тысячи голосовъ, какъ, Н. Н. еще выкопалъ человека съ талантами! Нѣтъ, онъ мечтатель, онъ слишкомъ посвященъ въ раздаваніи похвалъ!“ — ~~Пусть тысячи голосовъ,~~ кричаешъ, поющъ, или смѣющъ въ одинъ голосъ, а я что выкопалъ, того не зарюю обратно, но прославолю и возвеличу.

Я собралъ въ кружокъ всѣхъ извозниковъ, вызвалъ на средину моего, и торжественно произнесъ:

— Слушайте, и исполняйте! Вашъ товарищъ, старый Иванъ на бѣлой лошади, ошпынъ будетъ называться *Извозникомъ-Метафизикомъ*.

Извозники поглядывали другъ на друга въ молчаніи; наконецъ, испугавшись моего торже- ственнаго вида, поклонились, примолвивъ: слушаемъ, Ваше Благородіе! Я пошелъ домой и написалъ, что вы теперь читали.

Архипъ Оадеевъ.

VI.

НЕКРОЛОГІЯ.

Московской купецъ Василій Алексѣевичъ Плавильщиковъ, содержатель Типографіи, Книжнаго магазина и Библиотеки для чтенія.

Августа 14-го дня скончался въ С. Петербургѣ, на 56 году отъ рожденія, всѣми любимый и уважаемый, В. А. Плавильщиковъ. Сіе имя прославилъ на Руской сценѣ и въ Лшерапурѣ,

старшій братъ его Пётръ Алексѣевичъ, (*) отличный Акшёръ и сочинитель многихъ театральныхъ пьесъ, заслужившій любовь публики и выпваіе Императрицы Екатерины II. Покойный Василій Алексѣевичъ, равно любилъ Словесность какъ и братъ его, но не чувствуя въ себѣ довольно способностей, чтобы слѣдовать его примѣру, онъ вознамѣрился сдѣлаться-посредникомъ между публикою и сочинителями, избравъ себѣ состояніе Типографщика и Книгопродавца. Прибывъ изъ Москвы въ С. Петербургъ лѣтъ 30 тому назадъ, онъ сперва взялъ на откупъ Губернскую, а послѣ Театральную Типографію и завелъ книжную торговлю въ Гостиномъ дворѣ. Видя недостатокъ средствъ къ распространенію охоты къ чтенію и удовлетворенія оной между небогатыми людьми, Плавильщиковъ, рѣшился устроить Библіотеку для чтенія Рускихъ книгъ, по примѣру востранныхъ сего рода заведеній. Между частными людьми ему принадлежишь слава, перваго основателя сего полезнаго учрежденія въ Россіи. До открытія его Библіотеки, воспослѣдовавшаго 15 Сентября 1815 года, книги для чтенія можно было получать по неопредѣленному условію изъ книжныхъ лавокъ, не по выбору читателей, но по волѣ книгопродавцевъ, обыкновенно изъ числа книгъ испорченныхъ или устарѣвшихъ. В. А. Плавильщиковъ при своей Библіотекѣ имѣлъ и Типографію и занимался изданіемъ полезныхъ и учебныхъ книгъ какъ на примѣръ: Курсъ Математики Лакра, Всеобщая Исторія Шрека, Грамматика Лаптевская и Малороссійская, Римская Исторія Гольдсмита, сочиненія Кн. И. М. Долгорукова, Разсужденіе о старомъ и новомъ слогѣ А. С. Шишкова и проч. и проч.

Плавильщиковъ велъ жизнь дѣятельную, но скромную и единообразную, а потому она не богата разными приключеніями и анекдотами, которые въ глазахъ публики составляютъ занимательность жизнеописаній. Жизнь его исполнена добрыми дѣлами Христіанскаго благочестія и примѣрами честности и благошворительности, которые имѣють достоинство предъ лицомъ Всевышняго, и будутъ допираться въ молитвахъ — а не въ книгахъ!

Мы видѣли заслуги Плавильщикова въ области просвѣщенія; не станемъ говорить о его частной жизни, въ продолженіе коей онъ своею честностію, любезностію и просвѣщеннымъ умомъ, снискалъ друзей и почитателей, пребывшихъ ему вѣрными до предѣловъ гроба; но мы должны упомянуть въ примѣръ его собратіямъ, о его поведеніи въ торговыхъ сношеніяхъ и оборотахъ. Плавильщиковъ никогда не задерживалъ подъ разными предлогами чужой собственности, напрошивъ того, охотно дѣлился своею, съ друзьями и Литераторами. Онъ не промышлялъ мелкими средствами подъ пышною вытѣскою; безъ вѣрныхъ способовъ не предпринималъ огромныхъ изданій, и дѣлился, но не присвоивалъ себѣ чужихъ выгодъ. Его магазинъ представлялъ тихій кабинетъ Музъ, гдѣ собирались Ученые и Литераторы дѣлать выправки, выписки и взаимно совѣщались, а не разсказывать оскорбительные анекдоты, и читали на спускствующихъ эпиграммы и сатиры. Съ поведеніемъ хозяина сообразовались посетители, и въ его магазинѣ не произошло никогда, ни одного неприятнаго случая. Всѣ почти Литераторы безденежно пользовались его Библіотскою, и почтенный Плавильщиковъ, имѣя всегда въ виду полезную цѣль оной, на смертномъ одрѣ

(*) Третьій братъ Алексій Алексѣевичъ, избралъ гражданскую службу, и находился нынѣ въ Москвѣ въ чинѣ Спашскаго Совѣтника.

изъявилъ волю свою, чѣтбы она по его кончинѣ оспавалась на прежнемъ положеніи. На погребеніи сего честнаго Книгопродавца, воспольдовавшемъ 17-го Августа, присущивовали почти всѣ Липераторы и любители Россійской Словесности и оплакивали его кончину. Мы поспавляемъ себѣ пріятною обязанностію, отъ имени всѣхъ друзей покойнаго Плавильщикова, изъявивъ душевную благодарность почтеннымъ и отличнымъ врачамъ сей столицы Гг. О. О. Реману, С. О. Гасвскому, Н. О. Арендпу и Ц. Я. Гемингу, которые по первому призванію друзей покойнаго, немедленно явились на помощь спрадавшему, и къ облегченію его употребили все свое искусство—увы! безсильное противу непреложныхъ законовъ природы!

При сей невозвратной потерѣ, одно утѣшеніе остается для друзей Плавильщикова и любителей отечественной Словесности: его Библіотека и книжная торговля остается въ прежнемъ видѣ и на прежнемъ основаніи, и существованіе оной будетъ всегда припоминать почтеннаго основателя.

О. Б.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

V.

В И Д Ъ Н І Е.

О Д А

*на день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Великаго Князя
АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, 30 августа 1823 года.*

1.

Какое дивное видѣнье
Очамъ представилось мнѣ!
Я вижу въ сладкомъ упоеньѣ:
По сводамъ неба голубымъ,
Надъ пробужденнымъ Петроградомъ
Екатерины шѣнь парить!
Кого-то ищешь жаднымъ взглядомъ;
Чело величьемъ горить.

2.

Но вотъ съ утень Царицы мудрой,
Какъ лучъ улыбка сорвалась:
Предъ нею отрокъ златокудрой,
Средь сонма воиновъ рѣзвась,
То въ длани шажкій мечъ приемень,
То бранный шлемъ беретъ у нихъ,
То, трепеща въ восторгѣ, внемлеть
Разсказамъ воиновъ съдыхъ.

3.

Румянцовъ, Минихъ и Суворовъ
Волнуютъ въ немъ и кровь и умъ,
И искрпсея изъ юныхъ взоровъ
Огонь славолубивыхъ думъ.
Проникнуть силою разсказа,
Отъ за Ермоловымъ во слѣдъ
Летить на сѣжный верхъ Кавказа,
И жаждешь славы и побѣдъ.

4.

Царица тихо испускалась,
На легкомъ облакѣ какъ дымъ,
И улыбаясь, любовалась
Прелестнымъ Правнукомъ своимъ;
Но вдругъ Минервы свѣплокой
Чудесный ликъ пріять она,
Слѣтѣла, мудрости высокой
Огнемъ божественнымъ полна.

5.

Къ Прекрасному коснувищсь дланью,
Ему Великая рекла : —
„Я зрю, швой духъ пыласпъ бранью,
„Ты любишь громкія дѣла.
„Но дѣя полунощной Державы
„Довольно лавровъ и побѣдъ ;
„Довольно громозвучной славы
„Прошекшпхъ, незабвенныхъ лѣтъ.

6.

„Военныхъ подвиговъ годица,
„Грозюю шумной пропекла :
„Твой вѣкъ иная лдетъ судьбнна,
„Циыя ждущъ шебя дѣла.
„Вашмишия сводъ небесъ лазурныхъ,
„Непрошпаемаю мглой ;
„Нашанешъ вѣкъ бореній бурныхъ
„Неправды съ правдою свяшой.“ (*)

7.

„Духъ необузданной свободы
„Уже возсталъ проптивъ Власпей ;
„Смотри — въ волненіи народы,
„Смотри — въ движеніи солмъ Царей (**).
„Быль мо кептъ, Опрокъ мой, корона
„Тебѣ назначена Творцемъ ;
„Люби народъ, чти власпъ закона ;
„Учися заранъ бытъ Царемъ.

8.

„Твой долгъ благошворить наро́ду,
„Его любви въ дѣлахъ искашь ;
„Не блескъ пустой и не породу,
„А дарованья возвышаешь.
„Дай просвѣщенные Успавы,
„Въ обширныхъ сѣверныхъ спрангахъ
„Науками очисти нравы,
„И Вѣру ушверди въ сердцахъ.

9.

„Люби гласъ истины свободной,
„Для пользы собственннй любви,
„И рабства духъ неблагородной —
„Неправосудье испреби.
„Будь-блага подданныхъ ревнишель :
„Оно еспъ первый долгъ Царей ;
„Будь просвѣщенья покровишель :
„Оно надежный другъ Власпей.

10.

„Спарайся духъ поспигнушь вѣка,
„Узнашь пошребносшь Рускихъ ~~спраннхъ~~
„Будь человекъ для человека,
„Будь гражданинъ для согражданъ.
„Будь Антониномъ на пресподѣ (***) ,
„Въ чершгахъ мудросшь водвори —
„И ты себя прославивъ болѣ,
„Чѣмъ всѣ Герои и Цари.“

Рыльсви.

(*) Подъ именемъ свяшой правды, здѣсь подразумѣвается Священный Союзъ, установленный для блага народовъ.

Примѣаніе Изд.

(**) Сие относится къ западной Европѣ, гдѣ дерзостные осмѣлились возстать противъ законной, Богомъ установленной власти, и пати на вѣки — и Европа спасена отъ ужасовъ безначалія. *Прим. Издат.*

(***) „Исторія не любила именовать живыхъ.“ Карамзинъ. Пестор Гос. Росс. Т. 9. стр. 427. строка 24. —

Примѣаніе Изд.

Ошбка. Въ №0. II Лашер. Листковъ на стр. 20 строк. 6-я; вмѣсто Іоанна Іерусалимскаго, читай Св. Іезина Предтечп.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Я Е Т С Я :

Санктпетербургъ, 29-го Августа 1823 года.

Цензоръ А. Бирюковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

№. IV.

СОДЕРЖАНИЕ. *Проза*: I-е, Ночь на кораблѣ. — II-е, Самоучка, или Журнальное воспоминаніе. — III-е, *Стихотворенія*. На выпускъ книжки.

П Р О З А.

I.

Н О Ч Ъ Н А К О Р А Б Л Ъ.

(Изъ записокъ Гвардейскаго Офицера, на возвратномъ пути въ Россію послѣ кампаніи
1814 года.)

Англійскій фрегатъ *Ffitch* (Спрѣла), 6-й день пущи.

Я помню прежнихъ лишь безумную любовь,
И все, чѣмъ я спрдавалъ, и все, что сердцу мило;
Желаній и надеждъ шомпшельный обманъ.
Шуми, шуми, послушное въприло!
Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ!

А. П у ш к и н ъ.

..... Въперъ свѣжалъ, валы разыгрывались сильнѣе и сильнѣе — фрегатъ нашъ быстро кахлялся по темной пучинѣ океана. Заря давно уже поухла на краю пуспаго небосклона. Кругомъ шемпело — и только вдали чернѣлись мачты сопущнаго намъ Рускаго флота; только мерцали по кораблямъ фонари, будпо звѣздочки. — Я сидѣлъ на кормѣ, на коронадѣ, и любовался великанскими валами, которые какъ будпо на перерывъ гонялись за фрегатомъ, доспигали его, и съ журчаніемъ, съ плескомъ о него разбивались. — Фрегатъ вздрагивалъ при каждомъ ударѣ; клонился на бокъ передъ каждымъ напоромъ въпра и снова всавалъ съ шрескомъ и скрипомъ. — Вахтенные машпрозы дремали по своимъ мѣстамъ и лишь однозвучно

восклицаніе Лейтенаанта: Steerboard! Backboard! (право руля! лѣво руля!) и вѣчный отвѣтъ: yes, yes! (слушаю), повременно нарушалъ спорожній сонъ мореходцевъ. Я уже ознакомился съ морскими опасностями и привыкъ ихъ не бояться. — При томъ равнодушіе всѣхъ окружающихъ внушаетъ спокойствіе и самому робкому путешественнику; я беззаботно предался мечтаніямъ подъ свистомъ вѣтра, и между тѣмъ, какъ взоры мои лепали за брызгами сшибающихся валовъ, мысли спремилась далеко, очень далеко. —

„Опять мечтаешь!“ сказалъ мнѣ Капитанъ фрегата Рональдъ, шпихо ударивъ по плечу, а любезные твои шоварницы безопасно пируютъ съ нашими моряками въ каютъ-компаніи. Но скажи искренно, dear Alister, куда и къ кому лепала шеперь крылатая мысль твоя?“

Я предупредилъ быспрошу твоей стрѣлы, Капитанъ! я уже былъ на родинѣ, милый Рональдъ! — но я опишу прежде, кто былъ этотъ Рональдъ.

Онъ Шотландецъ; говорящъ, отличный Офицеръ на морѣ и на сушѣ; высокаго росту и стройнаго стана, русоволосъ и смугль: двѣ рѣдкія вещи въ Брищанской природѣ. Не красавецъ, но право если бъ я былъ женщиной, по прудно бъ было въ него не влюбиться. Какая-то суровая грусть придавала блѣдному лицу его важность и занимательность. Его глаза сверкали рѣдко, но видно было, что это зарево прежняго пожара спрастей. — Есть глаза, копорые съ перваго взгляда вызываютъ опкровенность и завѣрлютъ дружбу: шаково было благородное лице Рональда. Мы съ первой встрѣчи были уже друзьями.

„Я былъ на родинѣ!“ повшорялъ я. — „Счастливецъ!“ сказалъ со вздохомъ Рональдъ, для себя раздѣлшася шамъ будущее; но для меня, оно нигдѣ не существуетъ.“

Ты несчастливъ, Рональдъ! спросилъ я дружески пожавъ ему руку. Его пронуло мое участіе. За это искреннее пожатіе руки онъ заплпшилъ мнѣ шакимъ взоромъ, что если этотъ взоръ приснился мнѣ и въ могиль, я навѣрно улыбку съ удовольствія. Со всѣмъ тѣмъ нелюбовь къ человѣчеству превозмогла, и онъ съ горькою улыбкою повшорилъ: „Несчастливъ! люди шакъ распочительны на выраженія, что я боюсь показаться забавнымъ, назвавъ себя шолько несчастливимъ. Говорящъ: какъ я несчастливъ, что опоздалъ въ шепарь, какъ я несчастливъ, что не заправилъ зайца! Что жъ скажашъ послѣ этого мнѣ, поперявшему всѣ радости невозвратно и безнадежно?“

„Ты любилъ, Рональдъ?“

„Любилъ ли я? . . . кака я шая спрасть въ наши лѣта можешъ возвысить душу до восторга или убить ее до опчаянія! Честолубіе родинся уже въ чаду потухшей любви; прилипчивое золото ошпанавливаетъ одну ползущую спаросить — юноша лепнигъ и любиптъ. Ты самъ любилъ, Алисперь, и шы поймешь меня. Я спалъ чужой между однопемцами; шоварницы не могутъ разумѣть моихъ чувствъ; но у пылкихъ душъ одна опчизна, и я радъ, что могу

освѣжить свою раздѣломъ, и высказать горе мнущему другу, обитателю береговъ Невскихъ; послушай.

„Четыре года тому назадъ, какъ я ходилъ въ Остѣ-Индію, на военномъ кораблѣ, конвоировавшемъ флотъ Компаніи. На возвращенный путь, къ намъ Флагманомъ назначенъ былъ Компръ-Адмиралъ Кавалеръ Аспонъ, занимавшій въ Мадрасѣ мѣсто Вице-Губернатора, и возвращавшійся тогда съ семействомъ своимъ въ Европу. Онъ избралъ нашъ корабль для пребыванія, и мы снялись съ якоря, едва онъ спустился на палубу. Я уже насмѣялся о красотѣ старшей дочери Аспона, но никогда не забуду той мнущы, въ которую ее увидѣлъ, въ полномъ блескѣ красоты и молодости. Какъ теперь гляжу на нее, одѣтую въ свѣтло-зеленое платье, съ перломутовою пряжкой на поясъ, и въ широкой соломенной шляпкѣ; не умю выразить, что со мной спало, когда я подалъ ей руку, чтобы помочь выйти изъ шляпки, когда она поблагодарила меня взоромъ, и закрасѣвшись опустила длинныя рѣсницы! . . . Есть спраши, которыя вспыхиваютъ какъ порохъ и горятъ до конца какъ свѣча—такая-то спрашия вспыхнула и во мнѣ, Алисперь!

По счастью или по несчастію, меня, какъ младшаго Лейтенанта, назначили къ Адмиралу Флагъ-Офицеромъ, т. е. въ должность равносильную Адютантской, которая требовала, чтобы я безоплучно находился при Адмиралѣ. Скоро я сдѣлался у него домашнимъ, еще скорѣе Мери ознакомилась со мною; уже она не красѣла, встрѣчаясь со мною взорамъ — и не рѣдко я заставалъ ихъ приспально усмеренными на меня. Бывало она садилась диктовать какую-нибудь бумагу по службѣ, и я не дивился, отъ чего въ нихъ такъ много пропусковъ и ошибокъ. Бывало, когда я сижу за рисованьемъ, она склонялась черезъ мое плечо посморгнѣть на рисунокъ, и карандашъ препешалъ въ рукѣ, какъ въ груди препешало сердце. Какъ любилъ я спорить съ этою милою, остроумною Мери, и какъ часто забывалъ свой предметъ и доказательства, вперяясь въ ея небесныя очи! Сколько разъ, безмолвенъ, въ уносѣнн и въ забытѣнн, сидѣлъ я за чайнымъ столомъ, любуясь каждымъ движеніемъ Мери, и кромѣ ея, ничего не видя и не слыша. Вся вселенная вѣсенилась для меня въ каюту Адмирала; въ Мери забывалъ я всю вселенную. Три мѣсяца воспорговъ пролетѣли какъ сонъ—и корабль нашъ бросилъ якорь у береговъ Бразиліи.

Желалъ бы забыть, и позабылъ тебѣ сказать, что Аспонъ имѣлъ жену, со всеми недоспашками дурнаго воспитанія, со всеми пороками злаго характера, со всеми прихотями ничтожной гордости. Она управляла Адмираломъ, человкомъ умнымъ, но слабымъ, который предпочиталъ безрекословно повиноваться волѣ жены, чѣмъ съ шумомъ исполнять свою. Однако же Леди Аспонъ умѣла даже и его вывесить изъ шерифіи. Разсорилась съ нимъ въ Мадрасѣ, и за двѣ недѣли до его отъѣзда отправилась на Остѣ-Индскомъ кораблѣ къ роднымъ своимъ въ Англію. Вообрази же, каково было наше изумленіе, когда при выходѣ Адмирала на берегъ въ Рио-Жанейро

она кинулась въ его объятія, какъ-будто ничего не бывало. Такая неожиданная и нежеланная встрѣча поразила и испугала Аспона, который былъ весьма радъ избавитъ себя отъ любезной своей половины; но сненіе народа было многочисленно, семейныя ссоры и псапральныя сцены были бы не у мѣста. Аспонъ покорился необходимости, и, проклиная внутренне такой случай, — прижалъ жену къ груди своей.

Мое счастье улетѣло съ прїездомъ Леди Аспонъ на корабль. Эша капризная женщина видѣла всё въ черномъ видѣ, и каждое движеніе доверни и каждый шагъ мой были перешолкованы и оцѣнены. Меня спали звали къ Адмиралу рѣже и рѣже, и наконецъ совсѣмъ удалили отъ должности. Все, что шло сперва мое самолюбіе отъ обхожденія Леди Аспонъ — было услаждено удовольствіемъ видѣть Мери; — но все это было ничто противъ мученія споль собѣдственной разлуки. Былъ шакъ близко подлѣ нее и не былъ съ нею, слышалъ ея голось и не видѣлъ ея лица, внимаешь шумъ ея походки и шолько! . . . О, Алісперь! это выше всякаго понятія. — Уныніе Мери двоило шокую мою . . . и я шаялъ очевидно. Эшого мало: несчастіе преслѣдовало меня еще далѣе. Однажды мнѣ удалось поговорить съ Мери въ каютиное окно съ галлерей каюшь-компаніи; — но я дорого заплашилъ за это минушное удовольствіе. Леди Аспонъ меня увидѣла.

Черезъ полчаса я былъ позванъ къ Адмиралу. Леди Аспонъ съ пылающимъ лицомъ сидѣла на диванѣ, и слѣды ея гнѣва еще видны были на опрокинутомъ чайномъ столикѣ и разбитыхъ чашкахъ; Мери плакала, самъ Адмиралъ ходилъ взадъ и впередъ по каюшь. „Вы съдете сію же минушу на корабль Impregnable * (Неодолимый), и заспушите шамъ мѣсто заболѣвшаго Лейшенанша! сказалъ онъ мнѣ очень сурово: я сожалѣю, что здѣсь задержалъ васъ; вопъ ордеръ Капитану Ферресперу . . . Прощайте!“ Леди кивнула мнѣ головою и бросила злобный взглядъ; но я не могъ видѣть прелестнаго лица Мери, закрытаго длинными ея локонами . . . Не помню, какъ вышелъ я на верхъ; не помню, какъ посадили меня въ шлюпку; — знаю шолько, что огромнымъ валомъ опрокинуло насъ у самаго борта, и съ корабля едва успѣли спасти меня и плавающихъ гребцовъ. Между шѣмъ буря свирѣпѣла часъ отъ часу, и уже нельзя было думать спуспитъ гребное судно. Я остался.

Мы были уже на паралели Бискайскаго залива, когда ураганъ захватилъ насъ. Онъ былъ жестокъ и продолжителенъ; двухъ-дневная ночь задернула небо; въсперь кружилъ и никто не знаетъ, гдѣ мы находимся. Пазы спали расхотнсь отъ качки; вода вривалась въ корабль какъ въ рѣшето; и люди падали у помпъ отъ изнеможенія. — Вдругъ мы почувшвовали ударъ—и руль вылетѣлъ вопъ какъ перо . . . „Кидай лопъ!“ „28 фушь.“ „Плохо!“ 25 фушь. „Еще хуже!“ „24 фуша!“ — Ай! ай! ай! еще фушь и мы на мели, но глубина вдругъ пошла на прибыль. Упѣшишельный голось запѣлъ: „35 фушь!“ Хорошо!, 42 фуша.“ Нельзя лучше!

„50 фушь.“ Безподобно! „Дна нѣшь, лопь проносишь“ — Слава Богу, думали всѣ. Ушли ошь погибели. Но въ это же мгновение корабль всѣмъ днищемъ грянулъ на мель и волненіемъ сго начало бишь о подводныя скалы. Ужасное мгновение! мертвая пшнина настала по спонѣ и вопляхъ . . . корабль пшхо повалился на бокъ, валы какъ горы пошли черсъ палубу, и поднимая всю громаду—разрушили ее въ щепы, уносили въ море несчастныхъ. Только при блескѣ молній, разрывающихъ мракъ—обозначились черныя скалы недалекаго берега—и бѣлыми полосами мелькали, будшо привидѣнія, станицы хищныхъ чаетъ, которыя со зло-вѣщимъ крикомъ вились надъ нами, радуясь своей добычѣ. Смерть была кругомъ: все гибло.— Опчаянный вбѣжалъ я въ Адмиральскую каюшу: половина ее была уже въ водѣ. Сердце мое облилось кровью—ошь того, что я увидѣлъ при блѣдномъ свѣтѣ фанаря. Адмираль между женой и двумя полумертвыми дочерьми, хопѣлъ и не могъ скрышь ужасную истину! — Мысль о вѣчной разлукѣ оледенила слезы въ глазахъ его. Казалось, онь оспаривалъ у жадной стихии ее жершвы; казалось, онь хопѣлъ заслонишь ихъ ошь волнѣ, врывающихся въ разбишныя окна. А Мери . . . я бы опдалъ пышчу жизни одна за другою, чтобы спасти Мери—но я позабылъ о себѣ и о смерти, когда она съ воплемъ испушленія кинулась ко мнѣ на грудь и заклнала спасти ея сеспру, ея родишелей. — Не знаю, какой Ангель сохранилъ меня ошь безумшва—видя неизбѣжную гибель шой, кошорая была для меня все!

Разсвѣтъ озарилъ весь ужасъ нашего положенія, одна шолько корма оспавалась на поверхности—все прочее разнесено было волнами. Передъ нами въ полувершѣ лежалъ пустой каменисный берегъ, и высокіе вслески показывали, что онь неприступенъ. — Въ горизонтѣ не видно было ни одной мачшы; шолько море бушевало кругомъ бѣдныхъ оспатковъ нашего корабля и ежеминушно грозило поглотишь насъ. Не знаю, можно ли вполнѣ уразумѣть мученбе подобнаго сосшоянія, еще болѣе, когда видишь подлѣ себя любезную?

Я кончу въ-короткъ, Алисперь; мы рѣшились связать въ плоть кой-какія доски и бревны, привязать къ нимъ женщинъ и пушиться съ волнами къ берегу, на Божью волю. Трое ма-шпрозовъ унесены были волнами, еще двое раздавлены спшснутыми обломками, но оспальныя, напушсвуемые Провидѣніемъ, полуизбишныя о камни, выброшены были на берегъ у подошвы скаль. Во все это время я находился подлѣ Мери, поддерживалъ ее на водѣ, удалялъ бревна, могшія сдавишь ее, и уже видѣлъ ее впѣ опасности распроспершую на песокъ, какъ вдругъ огромный валъ далеко вбѣжалъ на берегъ, покрылъ насъ, и — унесъ безчувшвенную Мери ошь въ море . . .

„Она ушонула?“ вскричалъ я.

„Она спаслась, Алисперь!“

II

САМОУЧКА

ИЛИ

ЖУРНАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ.

А Васька слушаетъ, да ѣспъ. (См. Басни И. Крылова; Ч. II, стр. 100. Б. XV.)

Я недавно былъ у моего пріятеля въ деревнѣ, лежащей верстахъ въ 80 отъ Петербурга. Онъ имѣетъ одного сына, котораго воспитываетъ со всевозможнымъ пицаніемъ, п. е. по своему разумнію. Ванюша въ 15 лѣтъ, шапцуетъ какъ Дюпоръ, прекрасно говоритъ по Французски, хопя не всегда умно, но лучшимъ Парижскимъ нарѣчіемъ; по внушенію своего родителя *хочетъ* любить отечество, но *не умѣетъ* любить его, потому что не знаетъ. Однажды вечеромъ мы разговорились съ пріятелемъ о томъ, что первая обязанность Рускаго дворянина состоить въ любви къ Россіи, отечественной Исторіи и Литераатурѣ, и всевозможномъ спараніи о распространеніи полезныхъ свѣдѣній между своими соотечественниками. Мой пріятель согласился со мною, но жаловался на недоспашокъ средствъ къ домашнему воспитанію, а особенно учебныхъ книгъ. „Послушайте, господа помѣщики, сказалъ я ему, я повторю старую мою пѣсню: читайте и покупайте Рускія книги и Журналы; одобряйте Рускихъ Ученыхъ и Литераторовъ, и вы будете имѣть порядочныхъ Рускихъ Гувернеровъ и хорошія книги.“ — Мой пріятель не принималъ на свой счетъ сего правоученія, ибо онъ выписывалъ всѣ Рускіе Журналы, имѣлъ у себя отборную библіотеску, любилъ все *народное*, и съ особеннымъ удовольствіемъ самъ читалъ испорцескія книги и Журналы. „Знаешь ли ты, сказалъ онъ мнѣ, что я самъ обучаю моего Ваню Россійской Исторіи и Географіи, и лпббы доказать тебѣ его успѣхи въ силъ Наукахъ, прошу тебя, сдѣлай ему испытаніе.“ Я согласился, и мой Ванюша, выпустивъ на средину комнаты, храбро ожидалъ экзамена.

Я. Представьте мнѣ паралель двухъ героевъ: одного изберите изъ Руской Исторіи, а другаго изъ Греческой.

Ванюша. Князь Попемкинъ-Тавричскій и Альцибидъ.

Отецъ. Bravo, браво, ай да Ваня!

Я. Какое же вы находите сходство между этими героями?

Ванюша. Мы вчера читали объ этомъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Я. Покажите мнѣ это мѣсто.

-*Ванюша*. Извольте! (Идетъ въ шкафъ, беретъ полное изданіе Опечесств. Записокъ, кладетъ на столъ и сыскавъ 39 номеръ, развертываетъ 10 стр. и читаетъ:)
„Альдибидъ опрубилъ хвостъ, бывшій лучшимъ украшеніемъ собаки своей, дабы праздные Аеншиане говорили въ *Форуль* (!) объ обрѣзанномъ хвостѣ, а не о военныхъ его предпріятіяхъ. Полемкинъ посылаетъ въ Парижъ за модными башмаками и вмѣстѣ съ ними получаетъ важныя свѣдѣнія“

Я. Довольно! довольно!

Отецъ. А что? видишь, поймали шебя! Видишь ли, что Ванюша сказалъ правду?

Я. Не все печашное правда. Не входя въ разборъ сего сравненія, впрочемъ весьма неудачнаго, имѣю честь доложить: 1-е. что Альдибидъ по Руски называется Алкивиадомъ. 2-е. Что мнѣ кажется столъ же страннымъ слышать объ Аенскомъ *Форуль*, какъ о Парижской Невѣ или Лондонскомъ Кремлѣ.

Отецъ. Почему же? съ позволенія скажешь.

Я. Потому что большая площадь въ Римѣ называлась *Форуль* (*), а въ Аеннахъ Гипподамъ, (*Hippodamus*) по имени Архитектора, родомъ изъ Милета, украсившаго оную.

Отецъ. Но какъ же въ Опечесствснныхъ Запискахъ

Я. Мы говоримъ объ Испоріи, а не объ Опечесствснныхъ Запискахъ.

Отецъ. Однакожъ продолжай свои вопросы.

Я. Что вы называете Аеншиподами?

Ванюша. Аеншиподомъ называется городъ или страна, противоположащія себѣ на земномъ шарѣ.

Я. Не городъ, не страна, но люди.

Отецъ. Помилуй, братецъ! Я тебѣ докажу, что ты самъ не знаешь.

(Беретъ 39 номеръ 1823 года О. З., развертываетъ 3 стр. и читаетъ громко:)
„Въ 1813 году, незадолго предъ отъѣздомъ моимъ изъ Америки, я былъ въ Бостонѣ и зашелъ въ Музеумъ, гдѣ измѣривъ на огромномъ земномъ (?) глобусѣ обширность представляющагося мнѣ пупи, полюбобыспововалъ узнать тогдашній мой Аеншиподъ въ Европѣ. Помню, первый мой взоръ остановился на Яссахъ и проч.“ . . .

Ну что теперь скажешь?

Я. Подайте мнѣ Словарь Академіи Россійской по азбучному порядку, и сыщите слово *Аеншиподы*. (Ваня приноситъ). Вотъ часть I. стр. 42, слушайте: „Аеншиподы, овъ, с. м. 2 склон. Греч. Такъ называются въ землеописаніи люди (замѣтьте, не города и не страны), кои живутъ въ противоположащей странѣ или части земли относительно къ другимъ; ш. е. и пѣ и другіе на одномъ полуденникѣ находящіеся и на 180 ступеней (градусовъ) между собою опсстоя-

(*). Нынѣ Campo Vaccino.

ціє. Когда у нашихъ Антиподовъ бываетъ день, въ то время у насъ ночь; а когда у насъ ночь, тогда у нихъ день.“ — Къ этому я долженъ вамъ прибавить, что слово Антиподы, происходитъ отъ двухъ Греческихъ: *ἀντί* противъ *πῶδος* нога; по Руски ихъ бы можно назвашъ противоположными. Города же не сполы и не спулы, не имѣють ногъ или ножекъ, а пошому и не могутъ называшься *Антиподами*. Положимъ даже, что города и сираны имѣють своихъ Антиподовъ, и тогда, находясь въ Америкѣ, нельзя искашь оныхъ въ Европѣ. Посмотрите на глобусъ, и вы увидите, что Антиподы жителей города Бостона, находящагося не въ Яссахъ, но на островахъ Тихаго Океана.

Отець. Бѣда намъ невѣжамъ, съ вами учеными; одинъ говоритъ бѣлое, а другой черное.

Я. Не будьте слѣпыми, и различайте сами бѣлое отъ чернаго.

Отець. Но все мой Ваня не виноватъ.

Я. Конечно, ты болѣе виноватъ. Но кешашъ, о Молдавіи и Валахіи: куда впадаетъ извѣстная въ Исторіи рѣка Сереть?

Ванюша. Въ рѣку Прушь.

Я. Кшо вамъ это сказалъ?

Ванюша. Папинька.

Отець. Я шебѣ покажу, откуда почерпнулъ о семъ извѣстіе. (Береть No. 9. Опеч. Зап. на 1821 годъ, и читаетъ на снр. Н.) „Неподалѣку отъ Формозъ, близъ впаденія рѣки Сереть въ Прушь, находицца большой курганъ, называемый *Рябал Могила*. Это-то достопамятно мѣсто, гдѣ на-голову былъ разбишь знаменитый Собіескій, и гдѣ Петръ Великій находицца въ 1711 году въ самомъ ужаснѣйшемъ и опчаянномъ положеніи для Царя и полководца.“ Ну, что скажешь, Г. Кришникъ?

Я. Ссылаюсь на все на свѣтѣ карты и географическія книги, что рѣка *Сереть* впадаетъ въ *Дунай*, а не въ *Пруть*, и что *Рябал Могила* находицца сто верстъ выше отъ показаннаго мѣста.

Отець. Но это писалъ очевидецъ. Смотри, вотъ заглавіе статьи: *Воспомнанія въ степяхъ Бессарабскіихъ*.

Я. Ты знаешь, что можно *воспомнать* и чужія *воспомнанія*—и ошибаешься. Этому прищры мы видимъ на морѣ и на сушѣ. Люди вездѣ люди.

Отець. Но Писатели? . . . однакожь продолжай, любезный другъ!

Я. Знаете ли вы, кого Екатерина послала изъ подъ Пруша съ письмомъ къ Визирю, въ то время, когда Петръ былъ окруженъ Турецкою арміею въ 1711 году?

Ванюша. Шепелѣва.

Я. Неправда, Шафирова.

Отецъ. Посмотри же Опеч. Записки 5 чассть 1821 года No. 9. стр. 16. „Тогда признается Екашерина, что уже ею сдѣлано предварительное къ тому испытаніе, и что послать къ Визирю Шепелевъ съ письмами опъ Фельдмаршала Шеремешева.“

Я. Это дѣло шоль извѣстно всякому Рускому, что я не имѣю нужды приводить доказательства изъ книгъ. Впрочемъ заглянише въ жизнь Петра Великаго, въ его журналъ и проч.

Отецъ. Но можешь бышь Шафировъ былъ посланъ послѣ, ибо въ сей-же спашь на стр. 19 сказано: „Царь разрѣшилъ Шафирова, уступилъ Туркамъ все у нихъ завоеванное на Дону и Днѣпрѣ, а въ случаѣ прѣбыванія Магмеша-Паши, согласилъ на отдачу и Шведамъ отнятыхъ у нихъ земель, исключая Ингріи, которую предписываетъ удержавъ всеми возможными пожертвованіями, даже уступкою Пскова и Новгорода.“—И такъ видно, что Шепелевъ былъ посланъ съ письмомъ, а Шафировъ съ инструкціей:—не правда ли?

Я. И очень неправда.—Одинъ и шоль же Шафировъ посланъ былъ и съ письмомъ, и съ инструкціей. Впрочемъ и самая инструкция здѣсь предсавлена *ad libitum*; ибо въ истинной инструкціи позволяется уступить шолько Псковъ, но не Новгородъ. Прошу посмотришь подлинную инструкцію, напечатанную въ Военной Исторіи походовъ Россіянъ въ 18 шольшихъ, Часъ I. Томъ III. стр. 124.

Отецъ. О книгопечатаніе! сколько опъ тебя протеходилъ блага, и сколько заблуждений ты разсѣвасъ въ народѣ, если попадеша въ руки. . . .

Я. Довольно! Кспати о книгопечатаніи. Когда оно введено въ Россіи?

Ванюша. Въ 1644 году.

Отецъ. Точно. Посмотрише 7 часъ Опеч. Запис. 1821 года стран. 25, строка 7-я, гдѣ сказано: „4-ю эпохою умноженія библиошекъ естъ введеніе книгопечатанія въ Россіи въ 1644 году.“—Ясно ли?

Я. Я вамъ ссылаюсь на всѣ историческія сочиненія, а преимущественно на Опытъ Крашкой Исторіи Руской Литературы соч. Н. И. Греча, гдѣ вы увидите, на страницѣ 43, что книгопечатаніе введено въ Россіи Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1553 году. Сначала сіе искусство шло весьма медленно, и не прежде какъ въ 1564 году вышла изъ Московской типографіи первая книга: *Апостоль*. Знаменитые въ нашей Исторіи Просвѣщенія, Іоаннъ Федоровъ и Пешрь Мстиславцевъ, издали сію книгу подъ надзоромъ Датчанина Ганса, и послѣ сего книгопечатаніе утвердилось въ Россіи. И такъ почтенный Издашель Опеч. Записокъ, пропустивъ всѣ сіи обстоятельство, ошибся *только* 91 годомъ!

Ванюша. Позвольте васъ спросить: не эшошъ ли самый Царь Іоаннъ Васильевичъ казилъ Марѳу Посадницу?

Я. Нѣтъ, судары! Марѳа Посадница жила во время царствованія Великаго Князя Іоанна Васильевича; а у насъ обыкновенно въ Исторіи называется Царемъ Іоаннъ Васильевичъ Грозный. Между сими Государями великая разница въ характерахъ и въ эпохахъ ихъ царствованія. Первый вступилъ на прѣстоль въ 1462, а второй въ 1533 году.— Марѳа Посадница опослана въ Москву изъ Новгорода въ 1478 году, и неизвѣстно достоверно, какимъ образомъ окончила свою жизнь. Вы можете о семъ узнать въ Исторіи Государства Россійск. соч. Карамзина, Томъ VI, стр. 129, и въ примѣчаніи 180 при семъ же томѣ на стр. 49.

Отецъ. Посмотрѣ же, что сказано о семъ въ Опеч. Запискахъ въ 7 часпи на стр. 337, въ примѣчаніи: „она (т. е. Марѳа Посадница) казнена Царемъ Іоанномъ Васильевичемъ.“

Я. Ты однакожь согласишься, что болѣе должно вѣрись Исторіи Госуд. Россійскаго, основанной на доказательстввахъ, нежели словамъ, сказаннымъ можешь быть безъ намѣренія и соображенія.

Отецъ. Разумѣется. И такъ полно говоритъ объ Исторіи; а расскажи-ка намъ, Ваня, о великанахъ, живущихъ въ 49 градусъ на югъ опъ Экватора, о коихъ мы читали съ побою въ Опеч. Записк. въ часпи 2 на стр. 231.

Я. Полно, брашъ! Нынѣ рассказы о карлахъ и великанахъ имѣють мѣсто только въ Гуливеровомъ путешествіи. Въ наше время въ однихъ сказкахъ можно писать и говорить о подобныхъ предметахъ.

Отецъ. Но скажи мнѣ, на что же сочиняють книги и издавають Журналы, если они вмѣсто того, чтобы научають насъ, вводяють въ заблужденіе? Я полагаю, что всякой другъ просвѣщенія, другъ испины и чловѣчества долженъ поставишь себѣ первою обязанностію, открывають подобныя ошибки и публиковать оныя, ибо намъ, неученымъ людямъ, все *пегатное* кажется правдою. Любя опечественные предметы, я по большой часпи покупаю книги по заглавію;— но теперъ вижу, что надобно быть оспорожнѣе.

Я. Ты правъ, любезный другъ, что въ выборѣ чпенія надобно бышь споль же оспорожымъ, какъ въ выборѣ лекарствъ, чтобы вмѣсто пользы, не получишь вреда.

Отецъ. Однакожь, послушай, — всѣ показанныя побою ошибки въ Опеч. Запискахъ можешь бышь сушь только *опегатки*?

Я. Но знаешь ли ты, что значишь въ полномъ смыслѣ слово *опегатка*?

Отецъ. Не очень.

Я. И такъ подай мнѣ Словарь Росс. Акад. часпъ IV. Разверни спраницу 329 и читай:— „*Опегатка*, шки, с. ж. 1 склон. ошибка, погрѣшность въ книгѣ, въ сочиненіи какомъ, наборщикомъ сдѣланная, противу правилъ книгопечатанія или противу правописанія.“ — И такъ изъ сего опредѣленія ты можешь бышь увѣренъ, что наборщики не вмѣшивающся ни въ Исторію, ни въ Географію.

Отецъ. Теперь располкуй мнѣ ваше дѣло съ Издашелемъ Опеч. Записокъ. Ты напечаталъ въ No. II Литтер. листковъ, что Издашель Опеч. Записокъ, сказавъ, будто зала Библиотеки Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА имѣеть въ вышину 100 аршинъ, сдѣлалъ большой промахъ, и сказалъ вещь неесшественную. Онъ отвѣчалъ тебѣ въ No. 41 своего Журнала, и объявилъ, что это произошло опъ ошибки наборщика, который прибавилъ лишній нуль, но что зала имѣеть 10 аршинъ вышины опъ полу до купола. Кто изъ васъ правъ и кто виноватъ?

Я. Эша поправка хуже самой опечашки. Хотя понынѣ нѣтъ въ цѣломъ мѣрѣ залы, имѣющей вышины 100 аршинъ, однако же геній челоуѣка, воздвигнувшій Египетскія пирамиды, Церкви Святаго Стефана въ Вѣнѣ, Св. Петра въ Римѣ, Св. Павла въ Лондонѣ, Минстеръ въ Спразбургѣ и колокольню Ивана Великаго въ Москвѣ, сей геній, повторяю я, могъ бы при усиліи искусствва соорудить залу въ 100 аршинъ вышины. Но скажи пожалуй, вѣроятно ли, чтобы зала, имѣющая галлерей, куполь и въ два яруса окна, имѣла въ вышину опъ полу до купола *только* 10 аршинъ? Это другая крайность, гораздо невѣроятнѣе первой. Къ тому жъ, если это *опечатка*, по словамъ Издашеля Опеч. Записокъ, то зачѣмъ же онъ не оправдался опъ другой ошибки, а именно: онъ сказалъ, что огромная люстра издаеть 1008 свѣтовъ; а я возразилъ, основываясь на сдѣланныхъ мною справкахъ, что ихъ только 336. Если наборщикъ могъ прибавить одинъ нуль, то какъ же онъ могъ умножить 336 на 3, чтобы вышло 1008. Хотя я знаю, что Писателю позволяется иногда прикрасить свое описаніе, однакожъ это не даетъ права вводить въ заблужденіе своихъ читашелей.

Отецъ. Правда! Ванюша, прочти благодарность Архипу Фаддееву опъ Издашеля Опеч. Запис. въ No. 41 сего Журнала, именно то мѣсто, гдѣ онъ просить его продолжать свои труды.

Ванюша. (Читаетъ на стр. 452.) „Не смотря на то, Издашель О. З. покорнѣйше просить Г. Архипа Фаддеева, продолжать свои замѣчанія (какъ онъ обѣщалъ) и на будущія времена; ибо Издашель О. З. будетъ погда свободенъ опъ скучной заботы исправлять *опечатки* (errate). А въ доказательство своей искренности соопустъ только Г. Фадѣву, не прибавлять къ своимъ открытіямъ никакихъ *остротъ*, вовсе не принадлежащихъ къ дѣлу, а просто означать одинъ ошибки и опечашки.“

Я. Готовъ исполнять желаніе почшеннаго Издашеля *Отегественнаго Журнала* (какъ онъ его называетъ), и на первый случай скажу, что даже въ семь совѣтъ находилса *ошибка*, или, если угодно, *опечатка*. Онъ будто бы для объясненія слова *опечатка*, приводитъ Французское выраженіе errate, и въ этомъ ошибается: ибо во Французскомъ языкѣ употребляется Латинское слово *erratum* (погрѣшность), во множественномъ числѣ *errata* (погрѣшности), а *errate*, какъ сказано въ Опеч. Запис., ничего не значить. Я полагаю,

что Издашеля Опеч. Записокъ хотѣлъ означить свои *ошибки* Латинскимъ словомъ *errata* вмѣсто *errata*; это было бы гораздо лучше.

Отецъ. Именемъ любви къ просвѣщенію, именемъ отечественной Клии, я вызываю себя, напечатать сегодняшний нашъ разговоръ. Я твердо увѣренъ, что ни одинъ изъ благонамѣренныхъ Россіянъ не пощепъ сего личностью или какимъ-нибудь другимъ намѣреніемъ, кромѣ общей пользы, блага Наукъ и блага самого Издашеля Опеч. Записокъ. Ты знаешь пословицу: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Ты его поправишь въ одномъ, а онъ себя къ другому.

Я. И выйдеть взаимное обученіе или Ланкашперская метода.

Отецъ. А для чиншателей польза. Истинные Липераторы не боятся Кришки. Нашъ едикшвенный Крыловъ, въ Басняхъ котораго заключаешся полный курсъ Философіи, справедливо сказалъ: (См. Ч. 4, стр. 14, Басня XII.)

„Таланты истинны за Кришку не зляся;

Ихъ повредишь она не можеть красомы;

Одни поддѣльные цвѣты

Дождя бояся.

Я. Убѣжденный своими доказательствомъ, исполню швое желаніе.

Архиль Оаддеевъ.

(Будеть продолженіе, въ слѣдующіе желанія, изъясненнаго въ 41-мъ Но. 0. 3.)

III.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

НА ВЫПУСКЪ ПТИЧКИ.

Во имя Делии прекрасной,
Во имя пламенной любви,
Тебѣ, лешунѣ сладкогласной,
Дарю свободу я — леша!

Равно какъ ты, счастливой долей
Я милой надѣлась моей;
И ты обязана ей волей,
Какъ я неволю своей.

Баронъ Дельвингъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

Санктшпербургъ, 29-го Сеншября 1823 года.

Цензоръ А. Бируковъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЛИСТКИ

№. V.

СОДЕРЖАНИЕ. *Проза*: I-е, Ночь на корабле. — II-е, Отрывки из записокъ Французскаго гувернера, находившагося въ Россіи. — III-е, Поправка ошибокъ въ №. 42-мъ Отечественныхъ Записокъ. — *Стихотворенія*. IV-е; Полночный часъ. — V-е, Казнь грѣшныхъ. Соч. Ѳ. Глинки. — VI. Библиографія.

П Р О З А.

I.

Н О Ч Ъ Н А К О Р А Б Л Ъ .

(Изъ Записокъ Гвардейскаго Офшцера, на возвратномъ пути въ Россію послѣ кампаніи 1814 года.)

(Окончаніе.)

Одна любовь могла вдохнуть въ меня новыя силы. Я кинулся въ море, долго боролся съ набѣгающими валами, и наконецъ достигъ ея — и съ нею выплылъ до мелкаго мѣста. — Изнемогая, обвязалъ я около ея шѣла брошеную съ берега веревку — и опустился на дно. Горькая вода лилась въ меня; въ ухахъ звенѣло и журчало — меня душило, грудь разрывалась — еще усиліе, еще вздохъ — и больше не помню.

Есть ушійшительныя минушы въ жизни. — Я открылъ глаза, и чтожь? Мери, блѣдная какъ воскъ, склоняясь, спояла надо мною. Влажныя волосы прильнули къ шеѣ, капли морской воды капались еще по прелесшному ся лицу. Вся душа ся была въ глазахъ, усшремленныхъ на меня со спрахомъ ожиданія. Рука ея лежала на моемъ сердцѣ, кошорое билось для одной ея, для ней только пересшало бишься! Ахъ, зачьмъ я не умеръ послѣ этого небеснаго мгновенія!

Мы находились на пустомъ берегу острова Овезанда. Вся семья Адмирала спаслась. Еще двое Офшцеровъ и 8 человекъ мащрозовъ . . . прочіе погибли. Скоро утихла буря, и шлюпки, съ флосш посланцыя, нашли насъ и перевезли на покойнѣйшій корабль. Помощь лекарей и старанія дружбы возсшановили силы наши, и флосш, безъ всякихъ приключеній, прибылъ въ Англію.

Леди Аспонъ немогла не чувствовашъ важности услуги, мною оказанной. Общанія, которыя вырвались у ней въ минушу погибели, и ласки, которыми она осыпала меня за спасеніе Мери, были у ней еще въ свѣжей памяти: домъ Адмирала сшалъ для-меня опворенъ.

Я взявъ опспавку и зажилъ въ Лондонѣ. Наспала зима, пришла пора баловъ, и я сказалъ проспи своему спокойствію. Свѣшъ былъ для меня не чужой: я бросилъ его по сердцу, и снова бросился въ него для сердца, вслѣдъ за Мери. Лордъ Грагамъ считался мнѣ съ родни, и пошому я могъ смѣло кидашъ свои каршочки на камни богачей и Вельможъ, которые жили опкрышо. Мери, предупрежденная молвою, показалаеь къ нимъ въ сопровожденіи шолпы модныхъ воздыхашелей, и всѣ наши *Dandys* заахали опъ удивленія, всѣ кинулись ее смопрѣшъ съ пакииъ же чувствомъ, какъ смопряпъ они новую панораму или бѣлаго слона. — Но къ сожалѣнію увидѣлъ я, что лесшъ и пышношъ кружили Мери голову. Она уже скучала домашнею жизнію, и шолько воздухомъ гостинныхъ дышала веселѣе. Гораздо чаще произносила она имена Графинь и Леди, чѣмъ имена другихъ своихъ пріятельницъ. Улыбка самодовольствія мелькала на ея щекахъ, когда Лорды или Баронеты шанцовали съ нею; однимъ словомъ: я не узнавалъ въ эшой гордой красавицѣ Мери, и она едва узнавала своихъ спарыхъ знакомцевъ. Я пакъ много любилъ ее, что не могъ не желанъ бышъ часшо съ нею; но довольно гордъ, чтообъ не ползашъ въ шолпъ окружавшихъ ее куколъ и добивашься очереди. По эшому я шанцовалъ съ нею рѣдко, и безпокойное мое воображеніе не дремало на досугъ. Нерѣдко, правда, когда Мери сходилась со мною, видно было, что хошя шщеславіе шешшало ей за Лордовъ и Эскаровъ, сердце говорило за Сира Рональда, и она незамѣпною ласкою награждала своего вѣрнаго рыцаря. Однакожъ, самолюбіе мое оскорблялось шѣмъ не менѣе, что она не искала, хошя и не избѣгала случаевъ бышъ со мною. Сколько бессонныхъ ночей, сколько дней безопрадныхъ провела я онгъ эшихъ баловъ; какъ много крови сожгли во мнѣ ревностъ и досада! Только дома находилъ я въ вшпреной Мери, прежнюю милую Мери, и сердце мое охладѣвшее въ свѣшъ, шяало опъ ея взора и ревностъ ушыхала опъ ея вниманія. Наконецъ благосклонностъ Мери оживила щекочливья надежды мои, и спрасшъ сравняла вѣь препяшшвія. Я забылъ высокомеріе ея родспвенниковъ и неудовольствіе моихъ родныхъ. Лесшная мысль — обладанъ Мери, совершенно овладѣла мною — и я спашъ довольно явно оказывашъ свои намѣренія. Да и почему бы не могъ я женишъся на Мери? Предки мои предводили Кланами еще шогда, какъ предки многихъ изъ нынѣшнихъ Лордовъ насли спада свои; имена Рональдовъ были чаще на успахъ славы, чѣмъ имя Аспоновъ, и состоаніе мое могло досшавишъ жизнь не блестящую, но безбѣдную. Я не говорю уже о себѣ, пошому, что говорю въ смыслъ прищпчій, хошя нигдѣ и ни въ чемъ я не бывалъ послѣднимъ.

Замѣтивъ мои виды, Леди Аспонъ вспыхнула. Привязалась къ ничему, велѣла дочери удалиться и обиняками наговорила мнѣ множество обиднаго. Для Мери я скрѣпилъ сердце, переломилъ свою гордость и молчалъ. Я еще желалъ внутренно разувѣрить себя, пзвинить Леди Аспонъ, приписывая все угрюмости ея характера, а не умыслу. Дорого стоило мнѣ рѣшившись быть еще разъ у Аспона; — однакожь любовь перемогла, и я дни черезъ при явился къ обѣду.

Упрямая Леди не вышла; Адмиралъ былъ холодець, я ожидалъ этого и не удивился; но видъ Мери поразилъ меня: ея спокойное цвѣщущее лице, ни мало не измѣнилось при моемъ входѣ. Она обошлась со мною будто съ едва знакомымъ. Односложныя слова были отвѣщамъ на мои вопросы. Другъ Алисперъ! она корешко знала мой нравъ; знала, что малѣйшая бездѣлица можетъ разспрошить меня на долго, что одно ея холодное слово могло оправить мое существованіе — знала — и ни одного взора, ни одного ушѣщительнаго взора не склоняла на того, кому за три дни посылала съ ними и сердце. Это уже было черезъ чуръ для меня. Воля матери не могла заставить ее перзать меня, и холодность удваивашъ высокоуміемъ. — Есть конецъ всему . . . и чувствено собственнаго достоинства подкрѣпило мое слабое сердце. Я могъ бытъ презрѣтъ, но презришелець — никогда! Рональдъ не привыкъ играть роль Селадона на привязи — я гордо просилъ съ Мери; но могъ ли я хладнокровно перенести эту обиду моему самолюбію, эту измѣну въ прекраснѣйшемъ существѣ на земли, и съ тѣмъ — уничтоженіе лучшихъ надеждъ, сладчайшихъ мечпаній моихъ! . . . Другъ! другъ! я впервые плакалъ тогда кровавыми слезами обманушой любви, и неудовлетвореннаго бышенства!

Заря заспала меня на пути къ Плимуту, и черезъ 10 дней я спушилъ на Испанскій берегъ, какъ волонтеръ Веллингтоновой арміи. Тамъ искалъ я разсѣянца, и не находилъ его. Мое сердце замерло для красоты природы, для веселостей жизни, и шумъ бивака не заглушалъ шоски душевной. Образъ Мери не оставялялъ меня и въ дыму бивача и на софахъ красавиць знойнаго климата. — Искренно признаюсь тебѣ, Алисперъ, что безнадежная спрасъ эта ушѣщала меня. Я любилъ воображать Мери, невольно меня оправдывающую, можетъ бытъ сожалѣющую Рональда. Я думалъ о ней гоняясь за славой — мечпалъ, какъ дойдешь до нее вѣспъ о моей опвагѣ, о моемъ опличіи, — она со вздохомъ скажетъ: онъ могъ бытъ моимъ . . . но къ чему воскрешать невозвратное! къ чему развѣщавъ пепель погасшей лавы!

Прошло два года, и моя шихая грусть взволнована была вновь письмомъ отъ двоюродной сестры моей изъ Англїи. Она писала, что бываетъ часто у Аспона, что у нихъ многое перемѣнилось. „Въ большомъ свѣтѣ на все мода, изяснялась она. Мери проблес-

пѣла свою череду — и мотыльки вьются шенерь около новыхъ цвѣтковъ. — Да и безъ того въ молодѣжи нашей не было бы проку: одинъ золошой магнитъ привлекаеть ее постоянно, а Мери не довольно богата для того круга, въ которѣй бросила ее судьба. Воздушныя Королевства Леди Аспонъ разсѣялись, и она видитъ шенерь, что напрасно вѣтила на Перовъ да Впдероевъ; за то бѣдная Мери, со своимъ пылкимъ сердцемъ и въ немъ съ необходимостію любитъ, достойна участія, не только сожалѣнія. Завлеченная наружностію, обманутая выученными фразами, она думала найти Грандисоновъ въ большомъ свѣтѣ, и поздно узнала свою ошибку. Автоматы наши не могли не только чувствоваться подобно ей, ни даже разумѣть ея чувствованій. Забывая въ полѣ, Мери, сѣдаемая самолюбіемъ и раскаяніемъ, блекнетъ и худѣетъ, и мнѣ кажется, милый Рональдъ, она еще любитъ тебя, любитъ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Когда заводятъ о тебѣ разговоръ, она задумывается, вздыхаетъ украдкою, и нерѣдко слезы навершываются у ней на глазахъ. Адмиралъ скачаетъ, что не съ кѣмъ спорить о полистикѣ . . . „Бывало Рональдъ,“ — говоритъ онъ; даже Леди Аспонъ начинаетъ хвалить тебя. Милый братецъ, прибавила кухня, отбрось гордость, которая дѣлаетъ тебя несчастливимъ, перестань бѣгать отъ самаго себя; прѣзжай къ намъ, а прочее сладится само собою. Мери еще прекрасна и съ шобой разцвѣшетъ вновь какъ роза.“ Можешь себѣ вообразить, Алишеръ, что это письмо еще болѣе прежняго возбудило мой гнѣвъ. Нѣтъ! униженіемъ не купишь Рональдъ своего счастья, не спашетъ заботливый муженькъ за недоспашкомъ лучшаго, не будешь le pis-aller, какъ говорятъ Французы. — Я изорвалъ письмо, и осался въ арміи.

Славный день сраженія при Випшоріи былъ чернымъ днемъ для меня. Увлеченный излишнею запальчивостію въ преслѣдованіи непріятеля, я вскакалъ въ кирасирской эскадронъ и просрѣленный пулею въ руку, былъ сбитъ съ лошади и захваченъ въ плѣнъ. Въ Испаніи трофеи были рѣдки для Французовъ, и меня немедленно отослали во Францію. Скоро, по разбитіи плѣнныхъ, я спалъ свободнымъ, и выздоравливающей полетѣлъ на родину. Какъ сладостно забилось сердце мое, когда съ приспани въ Кале, завидѣлъ я шуманные берега Бришаніи. Время утишаетъ гнѣвъ, разлука придаетъ цѣну свиданію и я радостно воображалъ себя уже въ кругу друзей и родныхъ, и скажу ли? . . . мечталъ о Мери, о счастьи; сердце ее оправдывало и даже самый разумъ говорилъ: „кто не заблуждался?“ . . . Я колебался. Все бытъ можетъ, думалъ я наконецъ; но къ чему разгадывать будущее?

Между тѣмъ, въ ожиданіи пакетбота, мнѣ вздумалось побродить по городу. — Вошь Англійская церковь, сказалъ лонъ-лакей, указывая на одинъ домъ и я зашелъ посмотрѣть ее. Меня удивило, что двери были незаперты, а въ церкви ни души. Только въ при-

дѣлъ, на право, споялъ на кашафалкъ гробъ. Я взошелъ на ступени, чтобы прочесть надпись, прибитой на немъ гербовой доски, но верхняя ея часть случайно была закрыта крепомъ, и я только могъ разобратъ, что умершая была молодая путешественница, которая искала на твердой землѣ здоровья и нашла гробъ, едва спустивъ на нее. Любопытство заставило меня поднять покрывало, но какой-то невольный трепетъ охватилъ меня, когда я сталъ опцѣплять покровъ отъ цвѣточнаго вѣвка, въ который онъ запутался. Я поднялъ его медленно, и умершая, блѣдная какъ смерть, но прелестная какъ жизнь, представилась глазамъ моимъ. Въ церкви было темно: я наклонился, чтобы рассмотреть ее поприщальнѣе и вдругъ глаза мои остановились вмѣстѣ съ дыханіемъ: это была Мери Ассонъ! — Эпихъ чувствъ, которыя соединяють въ одной минутѣ цѣлые вѣки адскихъ мученій, Алисперъ, не ощущають дважды. Не знаю, какъ вынесъ я и одно то мгновеніе, когда прижалъ губы свои къ мертвымъ, посинѣвшимъ устамъ обожаемой Мери, и напечатлѣлъ на нихъ прощальный поцѣлуй, который запрещенъ былъ мнѣ при ея жизни. — Кровь во мнѣ застыла, разумъ помрачился — я безъ чувствъ упалъ на холодный полъ. . . . Другъ Алисперъ! я едва не плачу теперь, но тогда я не могъ плакать. . . . Рональдъ завернулся въ полосатый плащъ свой, чтобы скрыть свои слезы. . . . но ему нѣчего было ихъ спыднись — горячая слеза участія упала на жашую въ рукъ моей руку несчастнаго. — Вѣтеръ завывалъ, паруса препещали, и фрегатъ нашъ быстро катился по шемной влагѣ океана.

Александръ Бестужевъ.

II.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ФРАНЦУЗСКАГО ГУВЕРНЕРА, НАХОДИВШАГОСЯ ВЪ РОССИИ. (*)

. . . . Въ шракширѣ подъ названіемъ Роше де Канкаль (Rocher de Cancale), собирались отличнѣйшіе Парижскіе гаспрономы. Тракширъ эпошъ славился устрицами, рыбою, кашпанами, Шампанскимъ виномъ и Сень Пере. Я два года прослужилъ въ немъ и прослылъ самымъ исправнымъ малымъ. Искусство мое дошло до такой степени, что

(*) Во время општуленія Французовъ изъ Москвы въ 1812-мъ году, одинъ мой пріятель, служившій въ арміи, нашелъ близъ большой дороги, не доходя Березины, манускриптъ, написанный на Французскомъ языкѣ. Весьма жаль, что Борей развѣвалъ многія страницы по снѣжнымъ Рускимъ холмамъ, и что первые листы и послѣдніе опорваны. При всемъ томъ мы полагаемъ, что даже отрывки изъ сей рукописи заслуживають вниманіе опщевъ, наставниковъ и всѣхъ Рускихъ патріотовъ. Цѣль трудовъ моихъ будетъ достигнута, если хотя одинъ человекъ извлечетъ изъ оныхъ пользу. *Издатель.*

я въ одно время прислуживалъ за чепырьми шполами, и однимъ пріемомъ подавалъ 16 порцій. Записки щеголи и обжоры непремѣнно требовали, чтобы я подавалъ имъ блюда, и слава моя распространилась въ цѣломъ кварталѣ. Я былъ доволенъ моею участью, ибо не имѣлъ понятія о лучшемъ состояніи. Но человѣка можно уподобить форшепіяну, которое до тѣхъ поръ оспашеся безмолвною машиною, пока не ударитъ въ клавиши. Расшевелише въ человѣкѣ какую-нибудь идею, или прикоснешь къ его спашси, и пошчасъ родящя разсужденія, соображенія, желанія и надежды.

Точно такимъ же образомъ и со мною произошла перемена. Въ одно утро, когда еще комнаты не были убраны, пришелъ въ шпакширь завшпакашъ Г. Н., всякой день посѣщавшій наше заведеніе. Онъ всегда былъ ко мнѣ ласковъ, а въ это время разговорчивъ болѣе обыкновеннаго. „Гдѣ твои родители, Жакъ?“ спросилъ меня Г. Н. — „У меня, сударь, нѣтъ родителей, я сирота. Матери моей я не помню, а отецъ погибъ на гильотинѣ во время ужасовъ революціи.“ — „Развѣ онъ былъ богачъ и дворянинъ, что попалъ въ аристократы?“ спросилъ онъ. — „Отецъ мой даже не зналъ, что такое аристократы; онъ былъ кузнецъ, бѣдѣвъ, но честенъ и этого достаточно, чтобы погибнуть въ революціи.“ — „Разкажи мнѣ, Жакъ, это происшествіе, примолвилъ Г. Н. — оно должно быть любопытно.“ — „Извольше, сударь! Отецъ мой занималъ кузницу по близости замка Ромилы въ окрестностяхъ Шалона. Когда Мещафизики вздумали управлять вселенною, шчно шакъ какъ звѣриндемъ, и надѣлишъ Францію *равенствомъ*, ш. е. одѣлашъ всѣхъ *равно* нищими; толпа *равныхъ* между собою бродягъ усшремилась на замокъ, сожгла оный, раздѣлила между собою *поровну* добычу, и умершвила *неравнаго* имъ, ш. е. добродѣтельнаго помѣщика. Возвращаясь ошшуда, они вздумали въ домъ отца моего шоржешповашъ свою побѣду, и хотѣли его принудить пить съ ними въ честь новаго порядка вещей и кричашъ: смерть аристократамъ! — Отецъ мой хопя былъ человѣкъ не ученый, но имѣлъ много здраваго смысла, и пошому объявилъ имъ, что онъ смерти никому не желаетъ, въ *равенство* не вѣршитъ, а будетъ пить за здоровье, только *благонамѣренныхъ* правителей и добрыхъ, смиренныхъ гражданъ. По добротѣ своей души онъ даже хотѣлъ усовѣшпитъ этихъ разбойниковъ, и взялся имъ доказывать, что всякая крайность вредна для блага опечества, и что *равенство* можно только возстановитъ между волками, а не между людьми, которые различествуютъ между собою дарованиями и образомъ мыслей. Онъ сказалъ имъ въ добавокъ, что если бѣ каждые 24 часа раздѣлитъ земли или имущества между людьми, то всегда будутъ бѣдные и богатые, пошому что одинъ болѣе будетъ шрудитъся, а другой болѣе ошдыхашъ. Тщешно Республиканцы хотѣли оклонить его на свою шпору: отецъ мой пребылъ непреклоненъ и объявилъ имъ, что люди могутъ только

быть равными предъ лицомъ Бога и закона, а въ гражданскихъ обществахъ должны быть подчинены властямъ, починать чужую собственность священно, и въспо него, чптобы насильственными средствами стараться исправить дурное, хорошимъ поведеніямъ и исполненіемъ своихъ обязанностей помщиться изгладить злоупотребленія. За эту откровенность, отца моего связали, отвели въ городъ и чрезъ три дни казнили какъ Аристократа. Мнѣ было тогда (1793) 15 лѣтъ отъ роду, и я не зная, что съ собою сдѣлать, рѣшился ийти въ Парижъ, о которомъ весьма много слышался отъ проходившихъ солдатъ, ковавшихъ у насъ лошадей. Я не имѣлъ ни охоты, ни способности къ кузнечному дѣлу, и пакъ прибывъ въ Парижъ, приспалъ въ обществу декротеровъ (décrotteur) (*). Находясь въ домѣ отца моего, я началъ обучаться грамотѣ у приходскаго священника; но революція изгнала его изъ Франціи, и я остался при однихъ складахъ. Въ Парижъ я нашелъ благодѣтеля въ училелъ народной школы. Я ему поупраму чисилъ платье и сапоги, а онъ по вечерамъ училъ меня читать, писать и артемешикъ: такимъ образомъ, я въ годъ научился порядочно разбираться даже по писаному. Я гоняясь за счастьемъ, безпрестанно перемѣнялъ занятія. Въ десять лѣтъ я испыталъ много: былъ декротеромъ, разнощикомъ афишъ, почталіономъ малой почты (la petite poste), фонарщикомъ, продавцемъ ваксы и сѣрныхъ спичекъ, открывателемъ устрицъ (écailleur), лонъ-лакеемъ, а наконецъ сдѣлался, какъ вы видите, прислужникомъ въ шракширѣ, (garçon d'auberge). Я совершенно доволенъ моимъ состояніемъ, и надюсь лѣтъ чрезъ пять попасть даже въ буфетчики.“ — „Ты мнѣ нравишься, сказалъ Г. Н. — ты смысленъ, проворенъ, объясняешься изрядно, имѣешь хорошее произношеніе, знаешь грамотъ, и если захочешь слѣдовать моимъ совѣтамъ, — то можешь сдѣлаться самымъ счастливымъ человекомъ.“ — „Но что мнѣ начать, спросилъ я, когда я ничему не учился и бѣденъ какъ устрица.“ — „Поѣзжай въ Россію и сдѣлайся учителемъ!“ примолвилъ Г. Н. — „Помилуйте! возразилъ я, чему же я буду обучать, когда самъ ничего не знаю?“ — „Не мудрено обучать тому, что знаешь, сказалъ улыбаясь Г. Н. — смысленность и искусство состоятъ въ томъ, чптобы обучать тому, чего не знаешь. Вотъ привилегія генія! — Я самъ, отправляясь въ Россію, былъ такой же невѣжда, какъ ты теперь, а проживъ 25 лѣтъ самымъ припшнымъ образомъ, возвратился съ 15,000 франковъ годоваго дохода, и съ репутаціей ученаго человека. Courage, mon ami! примолвилъ Г. Н.: жизнь есть море, человекъ корабль. Смѣле въ волны — или подводные камни и буря или золотая руда.“ Я молчалъ. „Слыхалъ ли ты о Христофорѣ Колумбѣ?“ прибавилъ онъ. — „Слыхалъ и о немъ и объ Америкѣ, отвѣчалъ я. „И пакъ дѣло въ шляпѣ, поѣзжай въ Россію. А propos, много ли

(*) Décrotteur, мальчикъ, который за нѣсколько копѣекъ чищитъ на улицѣ сапоги.

у тебя денегъ?“ — „Пятнадцать луддоровъ.“ — „Я тебѣ еще дамъ десять, если ты захочешь слѣдовать моему совѣту. Соглашаешься или нѣтъ?“ Я молчалъ. „Если тебѣ не удастся, я беру на себя доставить тебѣ состояніе.“ — „Когда такъ, соглашаюсь“ ошвѣчалъ я, и низко поклонилъся доброду Г. N. Въ сіе время карета подѣхала къ крыльцу, и Г. N. сказалъ: „я сей часъ ѣду въ Компіенъ къ сестрѣ моей, подай мнѣ лоскутокъ бумаги.“ Я принесъ немедленно; онъ написалъ нѣсколько строкъ, далъ мнѣ 10 луддоровъ, пожалъ руку и сказалъ: — „прощай, увидишь, что я не обманулъ тебя!“ вышелъ изъ компании.

Я прочелъ въ оставшейся запискѣ слѣдующее: „купи *Дѣтскую Энциклопедію, Собраніе острыхъ словъ и Лексіонъ анекдотовъ*; выучи всѣ эти три книжечки наизусть во время путешествія, и прибывъ въ Петербургъ, явись опшъ моего имени къ Г. NN., въ улицѣ MM. подъ No. — . Черезъ недѣлю чшобъ тебѣ уже не было въ Парижѣ.“ — Я въ шопъ же день разсчитался съ хозяиномъ, на другой день взялъ паспортъ и ошправился въ Гонфлеръ, а чрезъ 10 дней уже былъ на кораблѣ и на всѣхъ парусахъ летѣлъ въ Россію.

(Продолженіе впрелѣ.)

III.

ПОПРАВКА ОШИБОКЪ въ No 42-мъ ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

~~Въ слѣдующіе номера, извѣстнаго издательства „Печатня“ No 5, ошматывается снова замѣшивъ слѣдующія ошибки въ его Журналѣ.~~

1-е. Въ No 42-мъ O. 3., въ спашъ подъ заглавіемъ: Служба о упокоеніи души Римскаго Папы Пія VII, на стр. 147-й въ спрокъ 9-й и на стр. 148-й въ спрокъ 1-й сказано, что 6 Октябръ службу ошправлялъ Уніятскій Митрополишь Болгаръ. На сіе мы имѣемъ честь доложитъ, что высокопочтенный Митрополишь Уніятскихъ церквей въ Россіи и Кавалеръ, называется Булгакъ. Это не можешь бытъ опечашка, ибо наборщикъ въ двухъ мѣсцахъ не можешь ошибиться одинаковымъ образомъ.

2-е. При наименованіи Пастыря какой-либо Эпархіи надлежитъ называть его по имени, а у Католиковъ, Протестаншовъ и Уніятшовъ по фамиліи. Спрашиваемъ у почтеннаго Издашеля O. 3., какъ прозывается по фамиліи *Уніятскій Архіепископъ Полоцкій*, о комъ онъ упоминаешь на стр. 148-й, въ 1-й и 2-й строкахъ?

3-е. На стр. 147-й въ спрокъ 18-й сказано: „славная музыка de Requiem Моцарта и проч.“ — Спрашиваемъ: зачѣмъ здѣсь прибавлено ~~de~~ Это de Requiem, ничего не значащъ и ни къ какому языку принадлежать не можеть.

Архипъ Вадреевъ.